

Вне закона

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Вне закона

Макс Брэнд

Само появление Ларри Линмауса повергало жителей маленьких городков в ужас, ибо он прослыл налетчиком, грабителем и убийцей. Но вскоре возник повод усомниться, виновен ли он во всех тех прегрешениях, которые ему приписывали, и не стал ли, в свою очередь, жертвой мошенника.

Брэнд Макс

Вне закона

Глава 1

Помощь банку

К северо-западу от Крукт-Хорна, где находились самые богатые ранчо, тянулась неровная цепочка столбов, поддерживающих телефонные провода. По ним в тот весенний солнечный день и было передано ошеломляющее известие, которое, подобно кругам на воде, мгновенно распространилось по небольшому провинциальному городку.

Президенты двух банков в сопровождении старших сотрудников на время покинули свои офисы, а затем вернулись в сопровождении вооруженных людей.

Охрана тотчас заняла наиболее удобные места как внутри, так и снаружи зданий для отражения нападения.

Заместитель шерифа Нилан с двумя помощниками взяли под свою защиту местную почту.

Исаак Штерн, владелец ломбарда и ювелирного магазина, срочно вооружил двустволками двоих своих племянников и поставил их за прилавком. Затем привел с улицы двух прохожих, дал им тоже по двустволке и завел их в дальнюю комнату. И хотя в ней не находилось ничего ценного, зато оттуда отлично простреливался весь торговый зал.

На центральной улице Крукт-Хорна было шесть салунов, отель и три магазина. Всю имеющуюся в этих заведениях наличность спешно собрали в мешки и положили на банковские счета.

В двух магазинах и трех салунах прекратили работу. Двери заперли на все замки, окна наглухо закрыли ставнями. Владельцы, вооружившись винтовками, затаились внутри помещений, а у чердачных окон расположилась охрана.

Игорный дом тоже закрылся. Его входную дверь заперли на массивный засов и закрепили болтами. Фараон Пит – такое прозвище было у его владельца – снял кассу и отнес деньги в банк «Мерчантс-Лоан энд Траст». После этого не мешкая оседлал свою самую резвую лошадь и с видом безумного помчался прочь из городка.

Билли Ламберт, всегда имевший при себе два револьвера, в банк заглядывать не стал – класть туда ему было нечего. Тем не менее, вооружившись еще и винтовкой, он тоже вскочил на своего самого лучшего скакуна, пришпорил его, вылетел на дорогу, тянущуюся вдоль реки, и вскоре скрылся из виду.

Молодой Сэм Таунсенд, еще совсем недавно прославившийся в драке с бринтонами, произошедшей в низовье реки Пекос, не долго думая, последовал их примеру. Проведя всю ночь за игрой в покер, Сэм только под утро вернулся домой и, как был в исподней рубахе и штанах, вывел лошадь и, неистово стегая ее плетью, понесся во весь опор.

Остальные мужчины Крукт-Хорна, не имевшие в кубышках больших средств, не игравшие по-крупному в карты, не считавшиеся мошенниками или убийцами, повели себя гораздо спокойнее. Запретили детям и женам появляться на улице, а сами заняли наиболее удобные места для обороны, например, при въезде на центральную площадь. Менее решительные из них затаились в палисадниках рядом со своими домами.

Из Крукт-Хорна сообщение тотчас было передано по телефону в Стефенс-Кроссинг, находившийся южнее, чтобы его жители тоже смогли своевременно сформировать отряды добровольцев и должным образом подготовиться, а также в Фест-Чанс, расположенный севернее, в глухом и забытом Богом месте. Когда позвонили Дэну Пичу, окружному шерифу, жившему от городка в двадцати милях, он, к счастью, оказался дома. Узнав об опасности, грозившей обитателям Крукт-Хорна, шериф пообещал тотчас примчаться им на помощь.

Таким образом, жители Крукт-Хорна и всех других поселений, находящихся в округе, сделали все, чтобы отразить нападение, и, затаив дыхание, стали ждать. Джо Мастерс, молодой парень, залез на самую верхушку высокого тополя и оттуда стал следить за дорогой, идущей с севера. Он должен был первым подать сигнал о надвигающейся на городок опасности.

Доктор Кроссвел, вооружившись биноклем, забрался на крышу собственного дома и наблюдал за стоявшим в дозоре Мастерсом. Увидев в поднятой руке парня белый платок, доктор перелез с крыши на балкон и прокричал сновавшим по улице горожанам, чтобы те были готовы. Весть о неотвратимой беде в мгновение ока разнеслась по Крукт-Хорну. Городок замер.

Вскоре на улице из-за угла гостиницы появился одинокий всадник. При более близком рассмотрении наблюдавшие за ним жители заметили, что сидит он на лошади кремового цвета.

– Это он на Фортуне! – эхом разнеслось по улице.

Когда всадник подъехал еще ближе, те, кто смотрели в бинокли, наконец разглядели его лицо.

– Да это сам Ларри Линмаус на кляче по кличке Фортуна!

У всех дружно отвисли челюсти, а глаза округлились. Лица женщин, смотревших на улицу из окон, побелели. Дети, схватившись руками за подоконники, встали на цыпочки. Девочки от страха задрожали. Мальчишек обуяла непонятная радость.

Даже тех, кто тысячи раз видел фотографии Ларри Линмауса на страницах многочисленных газет, вид всадника поверг в шок.

Ему было ровно двадцать четыре года, и почти двенадцать лет из них он был знаменит.

Говорили, что на его совести двадцать четыре загубленные жизни. Получалось, что в среднем он убивал в год по человеку. Пять раз его арестовывали. Дважды по дороге в тюрьму ему удавалось бежать. Однажды, когда мчавшийся на полной скорости поезд оказался на мосту, Ларри в наручниках и кандалах спрыгнул с него и, пролетев сорок футов, упал в реку. В течение трех месяцев, пока беглец вновь не объявился, все были уверены, что он лежит на илистом дне реки.

Трижды, подпилив решетки на окнах, Ларри исчезал из тюрьмы. Один раз ему удалось подкупить тюремщика и с его помощью оказаться на свободе. Был случай, когда он схватил охранника за глотку и заставил его отпереть все тюремные двери. А один раз выбрался, проделав в толстой стене своей темной камеры огромную брешь.

За Ларри Линмаусом гонялись частные детективы, добровольные помощники шерифов и самые опытные сыщики от Даусона до Панамы и от Сан-Франциско до Галифакса.

На его счету значились налеты на шесть дилижансов и три поезда, один из которых бандит захватил в одиночку. С его именем связывали ограбления двадцати двух банков. Два из них он брал без сообщников.

И вот теперь Ларри Линмаус преспокойненько ехал по центральной улице Крукт-Хорна. Жители городка были полны решимости оказать ему сопротивление, однако первыми начать стрельбу не решались. Пару недель назад Ларри признали невиновным в нескольких ограблениях, а пятеро губернаторов, на чьих территориях были совершены эти преступления, публично перед ним

извинились. Так что без явно враждебных действий со стороны легендарного грабителя и убийцы арестовывать его никто не собирался – суд присяжных все равно бы его оправдал.

Кроме того, все еще помнили случай, произошедший около месяца назад в Ридли. Тогда несколько гнусных злоумышленников попытались разрушить мощную дамбу, ограждавшую небольшой городок. К счастью, Ларри, проезжавший мимо на своей красавице Фортуне, помешал мерзавцам осуществить этот план. Предотвратив катастрофу, он буквально спас Ридли, расположенный ниже дамбы, от затопления. И это было еще одной серьезной причиной, по которой жители Крукт-Хорна не могли решиться первыми поднять на него руку.

Ощетинившись, городок ждал, что выкинет знаменитый преступник. Его появление ничего хорошего жителям Крукт-Хорна не сулило.

А откуда, собственно, приползли эти страшные слухи о Ларри Линмаусе? Откуда они взялись? Глядя на далеко не мощное телосложение всадника и его, увы, не гигантский рост – где-то под шесть футов, – было трудно поверить во все разговоры о его недюжинных способностях.

Ларри производил впечатление вполне порядочного парня. И если бы не его опрятная одежда, по-особому заплетенные грива и хвост Фортуны да золотая нить, вплетенная на мексиканский манер в его с высокой тульей сомбреро, он был бы похож на обычного ковбоя. Никаких других украшений, кроме этой поблескивающей золотом нити, в его одежде не было. Ничего броского, ничего голубого или красного цвета. Даже серебряная серьга в ухе и та отсутствовала!

Внешне Ларри абсолютно не соответствовал тому, что о нем рассказывали. Глядя на его красивое лицо, спокойно смотрящие голубые глаза, играющую на губах улыбку, было трудно поверить, что этот молодой человек способен совершить злодеяние.

Люди, мимо которых он проезжал, замирали и с удивлением разглядывали бандита, а те, кто оставался позади него, тихо между собой перешептывались: «Да неужто он опасен, как гремучая змея? Ну уж нет! Да у него на лице написано, что он безобиден. Кто-кто, а мы-то уж как-нибудь разбираемся в людях!»

И где же Ларри, в конце концов, остановился?

Да прямо перед входом в банк «Фест-нэшнл»!

Гул возбужденных голосов прокатился по Крукт-Хорну.

Неужели он войдет в банк, который по случаю его появления в городке находился под усиленной охраной? Неужто, видя перед собой хорошо вооруженных людей, все же решится на ограбление? На что ему тогда надеяться? Разве что на чудо? Но Ларри, судя по тому, что писали о нем газеты, проделывал и не такое – просто настоящие фокусы. Так что те жители Крукт-Хорна, у которых не было счетов в «Фест-нэшнл», даже жаждали стать очевидцами очередной проделки этого с приятной улыбкой молодого человека и втайне желали ему удачи.

Дверь в банк была заперта изнутри, но, когда Ларри в нее постучал, она медленно отворилась.

Войдя вовнутрь, Ларри напрямик направился к президентскому столу и вынул бумажник. Трое вооруженных людей, расставленных по углам помещения, настороженно наблюдали за его действиями. Отсчитав шестьдесят два банкнота, по пятьсот долларов каждый, молодой человек молча положил их перед президентом Бейнзом.

– Хочешь открыть счет, Ларри? – удивленно спросил банкир.

– Нет, – ответил Линмаус. – Просто хочу сделать подарок банку. На его развитие.

Бейнз пересчитал деньги и оцепенел – грабитель дарил банку тридцать одну тысячу долларов! Но тут в его памяти всплыл случай, произошедший четыре года назад. Тогда какой-то сорвиголова среди бела дня так же, как сейчас Ларри, вошел в банк «Фест-нэшнл» и вышел из него с тридцатью одной тысячей наличными!

Банкир оторвал глаза от банкнотов, но Ларри уже и след простыл.

– Остановите его! – закричал Бейнз. – Или нет, не надо!

- Он направился в «Мерчантс-Лоан энд Траст», - сообщили ему.

- В «Мерчантс-Лоан энд Траст»? - ошеломленно переспросил президент «Фест-нэшнл». - Но их же не обкрадывали! Кто-нибудь, принесите мне воды. Нет, такого шока мне не пережить. Я помолодел лет на десять!

Глава 2

Честные деньги

Выйдя из «Фест-нэшнл», мистер Ларри Линмаус пересек улицу и подошел к зданию другого банка, «Мерчантс-Лоан энд Траст».

У дверей его встретил швейцар, державший обе руки в карманах. В каждой из них он сжимал по короткоствольному револьверу. Швейцар кивнул грабителю и, не вынимая рук из карманов, направил дула обоих револьверов ему в живот.

- Теплый денек, мистер Линмаус. Не правда ли? - произнес он.

- Да. Жарко, как в преисподней, - согласился с ним Ларри. - А где президент Оливер?

- Как всегда, на месте, - ответил швейцар. - Я тебя к нему провожу.

Линмаус вошел в банк, а швейцар, сурово сжав челюсти, последовал за ним. «Застрелить, пусть даже и в спину, такого матерого преступника было бы почетно», - подумал швейцар, глядя ему в затылок.

- Здесь творится что-то непонятное, - замедлив шаг, вдруг заметил Ларри.

- А что такое?

- Похоже, у каждого служащего под сюртуком по бутылке. Никогда не видел столько людей с раздутыми карманами. Вот у тебя, например, оба топорщатся, -

повернулся Ларри с улыбкой к сопровождающему.

Увидев улыбающееся лицо бандита, швейцар сначала побагровел, потом побелел.

- Ну... это... - заикаясь, пробормотал он.

- Нельзя пить виски, когда термометр зашкаливает за девяносто, - назидательно заметил Линмаус. - Но у тебя, уверен, в каждом кармане по бутылке лимонада... Или я ошибаюсь?

Швейцар чуть было не взвыл, но все же сумел сдержаться. У Линмауса глаза оказались что рентгеновские лучи - видели даже сквозь ткань! Сколько же раз такая способность его спасала? Но желание пристрелить человека, находящегося вне закона, у него неожиданно пропало. Швейцару больше не хотелось даже видеть Ларри Линмауса. Как жаль, что для своих целей он выбрал именно их городок!

Перед кабинетом президента Уильяма Оливера швейцар опередил Ларри и открыл ему дверь.

- Мистер Оливер, к вам мистер Линмаус, - краснея от волнения, проговорил он.

Тем временем имя грабителя вот уже целых пять минут не сходило с уст служащих банка.

- Пусть заходит. И ты тоже, - велел президент Оливер.

Ларри в сопровождении швейцара вошел в кабинет.

Президент слегка отодвинулся от стола и прижался спиной к спинке кресла. В ящике его письменного стола находился старый револьвер одноразового действия, который еще в пору молодости мистера Оливера не раз его выручал. Кроме того, во внутреннем кармане пиджака банкира лежал отнюдь не бумажник, а небольшой самовзводный пистолет двойного действия, из которого на расстоянии десяти шагов можно было свалить и быка. Мистер Оливер, упражнявшийся в стрельбе по полчаса в день, был уверен, что такой пистолет

его никогда не подведет. Так что он хоть и порозовел слегка, но смело посмотрел в глаза налетчику и произнес:

- Здравствуйте, Линмаус.

- Вы - мистер Оливер? - приятно улыбнувшись, твердым голосом поинтересовался молодой человек.

Голос грабителя звучал миролюбиво. Президент уловил в нем уважение к своей персоне. Глядя на вполне интеллигентного и очень симпатичного парня, он почувствовал себя неотесанным мужланом.

- Да, это я, - подтвердил Оливер, затем поднялся и, соблюдая этикет, протянул Ларри руку. - Совсем забыл, что я не так знаменит, как вы, Линмаус. Как поживаете?

Бандит крепко сжал протянутую ему руку и очень быстро ее отпустил, а после этого неслышно, словно тень, отступил назад. Оливер не смог сдержать улыбки, догадавшись, что молодой человек, не важно с какой целью посетивший его, не привык пожимать другим руки. Судя по всему, к рукопожатию он относился как к наброшенной на глаза повязке, как к капитуляции перед стоявшим напротив человеком.

Уильям Оливер указал на кресло перед его столом, прочно привинченное болтами к полу. Это позволяло ему принимать клиентов на безопасном от него расстоянии. Однако посетитель покачал головой. Позади кресла находились два окна и открытая входная дверь. Возможно, именно по этой причине он и отказался в него сесть.

- Я полдня провел в седле, - пояснил Ларри.

- Железный человек! - восхитился банкир. - Тогда стойте, раз так хотите.

- Спасибо, - вежливо отозвался Линмаус и, подойдя к краю стола, встал по левую сторону от президента.

«В такой ситуации сунуть руку во внутренний карман пиджака и выхватить спрятанный там пистолет довольно затруднительно», – отметил про себя банкир, но ничего не сказал. Он решил и дальше улыбаться, хотя лицо его еще больше порозовело.

Мог ли бандит знать, что в трех соседних с президентским кабинетом комнатах, двери которых были настежь распахнуты, скрываются вооруженные до зубов люди? Что двое охранников, обычно дежурившие по ночам, стоят снаружи здания банка? Один у входа, другой – под окном кабинета Оливера.

В это-то окно как раз и посмотрел Ларри.

– Какой отсюда красивый вид! – заявил он.

– Да, прямо на горы, – согласился банкир.

– И на сомбреро тоже, – добавил Линмаус.

Налетчик явно заметил головы двух охранников, понял, чем вызвано их присутствие, но тем не менее сохранил полное спокойствие. Густой розовый цвет с лица Оливера постепенно спал. Он не принадлежал к робкому десятку. Но еще большую уверенность в безопасности ему придавала мысль о том, что все необходимые меры предосторожности им предприняты, в случае попытки ограбить банк, живым Ларри не выйдет. Однако стоит ли говорить, что встреча с ним была для президента банка далеко не из приятных? Более того, в голубых глазах Линмауса так и светилась решимость. Уильям Оливер никогда не видел таких ярко-голубых глаз, как у Ларри. Нет, все же встречал одного человека точно с такими глазами, но имени его, увы, вспомнить не мог.

– Хотите открыть счет? – спросил банкир.

– Нет, получить деньги, – ответил Линмаус.

– Деньги?

– Да. У меня есть чек.

– Могу я на него взглянуть?

Молодой человек сунул руку в карман, вынул из него помятый чек и вложил его в протянутую ладонь банкира. Чек был выписан на двадцать восемь тысяч восемьсот семьдесят четыре доллара. Внизу стояла подпись: «Эверет Мортон».

Увидев, кем подписан чек, банкир замер. Дело в том, что на имя Эверета Мортонна в банке действительно имелся счет, и все служащие об этом знали. Даже уборщик мог сказать, какая сумма на нем лежит. А она составляла ровно двадцать восемь тысяч восемьсот семьдесят четыре доллара.

Однако владельца этого счета никто в глаза не видел. Он был открыт по письменному заявлению, пришедшему по почте, и деньги на него поступали почтовыми переводами. Так что для всех в «Мерчантс-Лоан энд Траст» клиент по имени Эверет Мортон оставался загадкой. Загадкой почти в тридцать тысяч долларов!

– У меня для вас есть еще и письмо, – заявил Ларри и протянул банкиру слегка запачканный и сложенный вчетверо листок бумаги.

Письмо выглядело следующим образом:

«Мерчантс-Лоан энд Траст бэнк». Крукт-Хорн.

Уважаемые господа! С сожалением... сообщаю, что с целью покрытия своего долга я вынужден закрыть мой счет. Всю имеющуюся на нем сумму прошу выдать подателю чека, выписанного на имя мистера Ларри Линмауса.

С уважением

Эверет Мортон».

При наличии такого письменного распоряжения от клиента все вопросы о закрытии счета отпадали сами собой. Кроме того, президент банка отлично знал почерк своего загадочного клиента и мог поклясться, что письмо написано рукой

Мортон. Короче говоря, с чеком, предъявленным молодым человеком, было все в порядке. Цифры, проставленные в нем, в точности соответствовали сумме, лежащей на счете. Все было выполнено по форме.

«А что, если мистер Мортон написал письмо и выписал чек под дулом пистолета?» – мелькнуло в голове мистера Оливера. Его охватило волнение, лицо банкира снова порозовело.

– Чек на огромную сумму, Линмаус, – заметил он.

– Да, сумма большая, – согласился Ларри и выжидающе посмотрел в глаза президента.

– А если я спрошу, как это мистер Мортон смог задолжать вам такую огромную сумму? Понимаете, Линмаус, в таких вопросах я должен быть предельно осторожным.

– Думаете, я силой заставил Мортон оформит на меня документы?

– Ну... Конечно же я так не думаю. Но...

– Ваши сомнения, мистер Оливер, мне вполне понятны. Я на вас не в обиде. Дело в том, что Эверет Мортон несколько раз занимал у меня деньги.

– Так он брал у вас деньги?

– Да.

– Значит, брал в долг, – как бы подводя итог, произнес банкир и потянул себя за порыжевший от табачного дыма ус.

Несмотря на затруднительное положение, в котором он оказался, Уильям Оливер хотел оставаться предельно вежливым. Он считал себя честнейшим на земле человеком, а это ко многому обязывало. Президент мог бы с легкостью обналичить предъявленный ему чек – банковской операции проще и легче не придумать. Но мистер Оливер, как все банкиры в мире, страшно мучился, когда его банк расставался с наличностью. «Мерчантс-Лоан энд Траст» был его

любимым детищем, на создание и процветание которого он потратил очень много времени и сил. Благодаря неустанным заботам президента банк вырос из грудного младенца во взрослого и крепкого мужчину. «Если я выдам Линмаусу деньги, а впоследствии окажется, что бумаги поддельные или написаны Мортонем под угрозой смерти, то репутация моего учреждения будет здорово подмочена. Как же все-таки защитить интересы нашего загадочного клиента?» – подумал мистер Уильям Оливер и, еще больше краснея, заерзал в кресле.

– Мистер Линмаус?

– Да, сэр? – кратко и в то же время очень уважительно откликнулся Ларри. Ну прямо как хорошо воспитанный мальчик на вопрос своего более старшего товарища!

– Хотя я и не имею права спрашивать вас об этом, но все же спрошу. Где вы взяли деньги, которые одолжили моему клиенту?

– Предположим, я объясню. Что тогда?

– Тогда ваш чек будет обналичен и вы получите всю сумму на руки.

– В таком случае слушайте, как они у меня появились. Обычно большую часть средств я добываю с помощью револьвера. Но деньги, которые ссудил Эверету Мортону, не из их числа. Они заработаны честным путем. В свое время, проработав месяц на ранчо у мистера Ристола, я получил зарплату и купил у него за двадцать пять долларов пятилетнюю лошадь. Мистер Ристол может это подтвердить. Потом за сто пятьдесят долларов я перепродал эту лошадь Тому Мейзу из Эстобала. С этой суммой я поехал в Финикс, зашел в заведение, принадлежащее Крису Моргану, сыграл там в фараона и вышел оттуда, имея при себе уже две тысячи двести. Эту сумму я одолжил Эверету Мортону. Тогда-то он и открыл в вашем банке счет. Оставшиеся двести долларов я дал под проценты Лью Мейсону, который в Моголлонсе обосновал компанию «Преари-Даст-Майн». С течением времени мои двести долларов, вложенные в эту компанию, превратились в четырнадцать тысяч, двенадцать из которых я вновь одолжил Эверету Мортону, а он перевел их к вам в банк. Оставшиеся две тысячи были вложены в мексиканскую говядину. Откормом мясных коров я занимался в местечке Биг-Бенд. На этом деле удалось заработать семь тысяч! Шесть из них Эверет Мортон снова положил на свой счет, а я...

– Подождите, Линмаус, – прервал банкир рассказ Ларри. – Выходит, все эти деньги вы честно заработали?

Ларри с улыбкой внимательно посмотрел на Оливера:

– Не вижу рядом Библии, на которой мог бы поклясться. Вы поверите мне на слово?

– Да, – решительно ответил банкир. – Я вам верю.

Глава 3

Плохие новости

Историю с деньгами, которую поведал молодой человек, не трудно было и сочинить. Подлинность имен и фамилий, а также достоверность фактов, фигурировавших в рассказе Ларри, можно было легко установить. Однако Оливер, зорко охранявший интересы своих клиентов, посчитал, что в проверке они не нуждаются. Внутренний голос подсказывал ему – парень не солгал.

Побарабанив пальцами по столу, он спросил:

– Хотите взять наличными?

– Нет. Хочу на эту сумму открыть счет.

– Дайте мне ваш чек, – попросил Оливер и, достав новую чековую книжку, положил ее на край стола поближе к Ларри. – Можете пользоваться ей на всю эту сумму. А я на ваше имя открываю счет. Я вам верю, дружище.

В дверь постучали.

Президент с недовольным видом покосился на дверь.

– Мистер Оливер, звонит мистер Джей Кресс, – доложил вошедший в кабинет служащий.

– Скажи ему, что я очень занят. И больше никогда без моего разрешения не открывай эту дверь. Понятно?

– Кресс? – переспросил Ларри, когда за служащим закрылась дверь.

– Да, Кресс. Игрок, – кратко пояснил банкир.

– Кресс – азартный игрок в карты! – воскликнул грабитель. – Когда-то парня с такой фамилией я наколот на полторы тысячи долларов. Тогда я только-только научился подтасовывать карты.

– Обыграли Кресса? Того, у которого на лбу родинка?

– Точно. Это он.

Ларри, склонившись над столом, занялся своей чековой книжкой, а банкир тем временем принялся разглядывать легендарного грабителя. Пальцы парня оказались тонкими и длинными, как у музыканта. От постоянного ношения перчаток кисти его рук были белыми, и только выше запястья кожу покрывал ровный загар. Носить перчатки, чтобы сохранить пальцы чувствительными, надлежало профессиональному карточному шулеру, но никак не Ларри Линмаусу, основным занятием которого была стрельба из револьвера.

Тем не менее с какой гордостью он только что сообщил, что обыграл самого Кресса! И сказано это было Уильяму Оливеру, питавшему отвращение к карточным играм и особенно к тем, кто ими занимается.

Как ни странно, но, глядя на красивую голову, склонившуюся над письменным столом, банкир никакого отвращения к Ларри не испытывал. Мистер Оливер верил в науку френологию, проповедовавшую, что по внешнему виду можно определить характер человека, но, разглядывая Ларри, не мог найти в нем хоть одну черту, свидетельствующую о его преступных наклонностях. Ни форма его ушных раковин или их размеры, ни даже конфигурация черепа не говорили о его жестоком нраве. Более того, глаза бандита были большими, широко

посажеными, нос прямой. Правда, рот выглядел слишком уж чувственным, ну прямо как у актера.

Банкир смотрел на парня и не верил, что тот соткан только из одних пороков. Твердость характера Ларри, которая чувствовалась во всем его облике, не могла не вызывать уважения. Этот малый мог быстро принять правильное решение и мгновенно его исполнить. Не человек, а грузоподъемная машина, способная сдвинуть горы. Кроме того, вел он себя сдержанно, не проявлял эмоций.

Оливер взял заполненный Ларри чек.

– Минуту, – сказал он и, выйдя из кабинета, направился к кассиру. – Линмаус желает открыть счет, – сказал он ему и положил перед ним письмо от Мортон и два чека, один – заполненный грабителем, другой – выписанный владельцем счета. – Что скажешь на это?

Кассиром у мистера Оливера служил совсем древний старик с редкими седыми волосами, сквозь которые просматривалась гладкая розовая кожа. Опыт банковской работы у него был огромный. Вооружившись очками с толстыми линзами, старик в течение нескольких минут внимательно изучал все три финансовых документа, переданные ему начальником.

– А что я должен сказать, мистер Оливер? – наконец подняв на банкира глаза, спросил кассир.

– Тебе документы никаких подозрений не внушают? – поинтересовался президент.

– Могу с уверенностью сказать, что документы Мортон написаны левой рукой Ларри Линмауса, – ответил кассир.

– Выходит, никакого Мортон в природе не существует?

– Этого утверждать не берусь. Но все эти бумаги написаны одним человеком. Вот эти две – его левой рукой, а этот чек – правой. Посмотрите сами.

Надев очки, мистер Оливер впился в документы глазами.

– Ты лучше разбираешься в графологии, чем я. Так что я тебе верю, – заявил банкир и направился к себе в кабинет, но вдруг остановился, сделал пару кругов по комнате и снова подошел к кассиру. Затем, щелкнув пальцами, произнес: – Ладно, открой счет на имя Ларри Линмауса. Возможно, я поступаю опрометчиво – деньги на счету Мортонa могут оказаться краденными, но и не верить всему, что рассказал мне Ларри, тоже нельзя!

Мистер Оливер вернулся в кабинет и увидел, что парень стоит на том же месте, что и прежде, только слегка изменил позу. Теперь его руки были сжаты за спиной, а голова немного откинута назад. Судя по выражению лица, бандит был абсолютно спокоен.

– Никаких проблем с открытием вашего счета не будет, – сообщил президент, усаживаясь за стол. – Я уже отдал все необходимые распоряжения, поскольку уверен, что средства на счету Мортонa – это честно заработанные деньги.

– Спасибо, – поблагодарил грабитель.

– Но не могу удержаться еще от одного вопроса, – продолжил банкир. – Открытие собственного счета как-нибудь изменит ваш образ жизни?

– Думаю, да, – отозвался Ларри.

– И вы, молодой человек, бросите кочевать?

– Да, хочу осесть. Ведь без этого, сэр, семейная жизнь невозможна.

– Естественно. А вы что, Линмаус, собираетесь жениться?

– Конечно.

– Супружество, мой мальчик, дело серьезное. Женитьба – это самый важный шаг в жизни любого мужчины. Никаких советов на этот счет я давать не буду – не имею на то права. Но хочу все же вас предупредить. Если вы еще не сделали свой окончательный выбор, то будьте осторожны. Не берите в жены первую понравившуюся вам девушку. Пусть у нее смазливая мордашка и все такое прочее. Невесте для того, чтобы стать хорошей женой, этого очень мало. Тем

более, что после той истории с дамбой в Ридли, многие красотки в округе проявляют к вам повышенный интерес.

– Я все понял, мистер Оливер. Спасибо за совет. Боюсь ручаться, но думаю, та, которая станет моей женой, вам непременно понравится.

– Понравится? Да? – с сомнением в голосе произнес президент. – Надеюсь, так оно и будет. Если бы я знал, кто она такая...

– А вы, мистер Оливер, ее знаете.

– Знаю? Тогда понятно, почему вы решили открыть счет именно в нашем банке. Вы намерены поселиться где-то поблизости?

– Да. Там, где живет та, на которой я собираюсь жениться, и где она непременно будет счастлива.

– Возможно, возможно! Она живет где-то с нами по соседству?

– Да. В Крукт-Хорне.

– Хм! – задумчиво промычал Оливер. – Понял. Ваша избранница – мисс Мак-Ферсон, очаровательнейшее дитя природы. Как вам удалось добиться ее расположения? Наверняка с этим связана какая-нибудь романтическая история. Уверен, из нее получится хорошая жена.

– Я тоже так думаю. Но только не для меня.

– Так это не она? Тогда кто же? О, извините! Это не мое дело.

– Ну что вы! – возразил грабитель. – Вы, как никто другой, имеете право знать имя моей невесты.

– Имею право?

– Да. Поскольку, сэр, вы ее отец.

Услышав это, банкир рывком поднялся на ноги и замер. От такой новости на его темени зашевелились волосы. Обхватив обеими руками голову, ошеломленный мистер Оливер рухнул в кресло.

- Кейт? - воскликнул он.

- Да, сэр, она, - подтвердил Линмаус. Он старался держаться спокойно, но было видно, что и его охватило волнение.

Уильям Оливер в отчаянии посмотрел на открытые двери. Ему хотелось, чтобы в эту минуту в кабинет вбежали вооруженные до зубов охранники и застрелили стоящего перед ним грабителя. Оторвав взгляд от двери, банкир снова посмотрел на парня.

- Но вы ее даже не видели! - воскликнул он. - Это мне доподлинно известно.

- Нет, я не только видел Кейт, но и встречался с ней.

- И сколько раз вы с ней встречались?

Мистеру Оливеру стало нестерпимо больно при мысли о том, что Кэтрин, его милая и нежная дочь, скрыла от него такую жуткую новость. Фактически она обманула его! Так вот какой неблагодарной оказалась его любимая дочка!

- Всего лишь один раз, - отозвался Ларри.

- Боже мой! - выпалил потрясенный президент. - И при первой же встрече она согласилась стать вашей женой?

- Да, сэр.

- Впервые вас увидев?

- Да. Произошло это после танцев, на которые я пришел с Элис Мак-Ферсон. А домой мы возвращались уже с Кейт. Я сделал ей предложение, и она его приняла.

Оливер издал нечто напоминающее стон раненого.

– Сами понимаете, новость для меня не совсем приятная, – с трудом проговорил он.

– Мы уже давно переписываемся с вашей дочерью, мистер Оливер, – как бы в утешение будущему тестю, сообщил Ларри.

– Почему она ничего не сказала родителям? – возмутился банкир, и в его голосе прозвучало больше раздражения, нежели боли. Помимо Кейт, у мистера Оливера подрастали еще две дочери, и в эту минуту он молил Бога о том, чтобы младшие девочки не пошли по стопам своей старшей сестры. Но Кейт ведь была его самой любимой!

– Да, мистер Оливер, Кейт поступила не совсем хорошо. Делать тайну из нашего знакомства ей бы не следовало. О нашем предстоящем браке она конечно же должна была сообщить родителям. Но могу ли я ее за это осуждать? Клянусь, если ваша дочь, презрев все условности, выйдет замуж за меня, человека вне закона, я буду ее любить и нежно о ней заботиться. – Ларри с надеждой посмотрел на мистера Оливера.

Тот ничего ему не ответил. Банкир, с лицом, покрытым красными пятнами, был зол и хранил молчание.

– Ну что ж, тогда до свидания, – сказал ему Линмаус.

– До свидания, – прошептал Уильям Оливер. У него, убитого горем отца, не было сил даже пошевелиться. Отсутствующим взглядом он смотрел перед собой и думал о своей несчастной дочери, которая сама же себя и погубила.

Хлопнула дверь. Грабитель ушел, а бедный Уильям Оливер продолжал сидеть в кресле. Неожиданно его стало подташнивать. Он медленно поднялся, подошел к окну, отворил его и выглянул наружу. Стоявшие под окном охранники, как по команде, дружно подняли головы. Увидев расстроенное лицо мистера Оливера, один из них тихо спросил:

– Все в порядке, шеф?

Президент обвел охранников мрачным взглядом и загробным голосом откликнулся:

- Да, все в порядке, - затем отошел от окна и стал медленно ходить по кабинету.

Да, с «Мерчантс-Лоан энд Траст» ничего не случилось. Его не ограбили, и ни один волос с головы его служащих не упал. Но мистер Оливер предпочел бы, чтобы его банк разнесло в щепки, только бы не слышать того, что сообщил ему Ларри Линмаус.

Глава 4

Порох

Выйдя из банка, бандит наткнулся на Джея Кресса, карточного игрока. Тот явно его поджидал.

- Привет, Ларри, - произнес он, протягивая руку. - Не представляешь, как я рад тебя видеть.

- Почему же? Цена твоей радости уж никак не меньше полуторы тысячи долларов. Не так ли?

- Что было, то быльем поросло. Я не злопамятный. Как твои дела?

Джей Кресс с момента их последней встречи несколько не постарел. Его худое, иссушенное ветрами лицо было неподвластно времени. Когда он улыбался, на его щеках появлялись все те же глубокие впадины, а под глазами, как и раньше, залегали морщины.

- Да помаленьку, - взяв кобылу под уздцы, ответил Ларри.

Фортуна повернула к хозяину красивую голову и от прилива нежных чувств слегка куснула его за плечо.

- Если снова захочешь сыграть в карты, я с удовольствием составлю тебе компанию.

Ларри Линмаус отвернулся от лошади и внимательно посмотрел на Кресса.

- Джей, похоже, ты не успокоишься, пока не вернешь свои деньги? Ну что ж, такой шанс я тебе предоставляю. Только никаких карт. Давай бросим монетку.

- Как пожелаешь, Ларри. Давай загадывай!

- Орел.

Монета взлетела вверх и, повращавшись в воздухе, упала на ладонь Кресса. Решка!

- Я выпишу тебе чек, - совсем не расстроившись, сказал Линмаус. - Мы вместе пройдем в банк, и ты его там обналичишь.

- О! - удивился картежник. - Так ты разбогател, друг?

- Не очень, но денег хватит, чтобы с тобой рассчитаться.

- Ну-ну, Ларри! Эти полторы тысячи меня не устроят. Давай сыграем еще раз. Ставку удвоим. Жутко хочется рискнуть. Пусть у меня будут или три тысячи, или ничего.

Линмаус рассмеялся:

- И не рассчитывай! Играть я больше не буду.

- Ну, Ларри. Ставка-то три тысячи. Монета же не карты - с ней не смухлюешь. Так что играем по-честному. Теперь загадаю я, а монету подбросишь ты. Ну, давай, вспомни старые времена!

- Ну хорошо. Только последний раз.

Монета, взлетев вверх, блеснула в лучах яркого солнца и упала на ладонь Линмауса. Ларри опять проиграл. На этот раз он нахмурился. Проигрыш казался ему огромным. Те деньги, которые лежали на его банковском счете, он предполагал потратить совсем на другие цели – на свадьбу и первые годы супружеской жизни.

– Расстроился? – услышал он голос картежника. – Уверяю тебя, деньги мне твои не нужны. Просто я вошел в азарт. Тут как-то в Эль-Пасо мне довелось сразиться в карты с одним сосунком. Так он тот день на всю жизнь запомнит. – Джей засмеялся, а потом добавил: – Ну что? Удвоим ставку?

– Черт подери! – пробормотал Линмаус. – Пусть я буду круглым дураком, но рискну. Не может быть такого, чтобы и в третий раз тебе повезло. С такой суммой на кону ты потеряешь весь свой выигрыш.

– Ну давай, Ларри! Я же говорил тебе, что деньги меня не интересуют. Мне хочется, чтобы ты отыгрался. Ну, продолжим?

Не сумев себя остановить, Ларри выкрикнул:

– Орел! – и снова проиграл.

Перед ним вдруг все закачалось и поплыло. Он смотрел на монету и не верил своим глазам. Чуть меньше половины его сбережений вмиг улетучилось! Как же он теперь обеспечит своей невесте ту жизнь, к которой она привыкла?

– Ну хорошо, Ларри. Если хочешь, могу дать тебе последний шанс. Но учти, проиграл ты уже много. Похоже, удача от тебя отвернулась.

– Нет, я все же должен отыгаться! Теперь моя очередь, – быстро возразил Линмаус, подбрасывая вверх монету.

Когда Ларри увидел, что выпало на этот раз, его охватило отчаяние. Не прошло и минуты, как двадцать четыре тысячи из его двадцати восьми испарились! Теперь оставшихся денег могло хватить лишь на то, чтобы угостить гостей, которые придут на его свадьбу. А на что же ему и Кейт жить дальше?

И тут в его голове одна за другой промелькнули две мысли, и обе преступные.

Первая из них заставила Ларри бросить взгляд на банк «Фест-нэшнл», стоявший через улицу, а вторая – на Джея Кресса. Глаза Линмауса, смотревшего на профессионального картежника, были холодны, как клинок кинжала. Однако Джей опасности для себя во взгляде бандита не заметил.

– Вот так невезуха, старина! – сочувственно произнес он. – Может, попробуем еще? Если, конечно, хочешь...

– Да пошел ты! – со злостью воскликнул Ларри. Затем вынул чековую книжку, выданную ему мистером Оливером, и проставил на листке такую огромную сумму, которую никогда еще не писал. Вырвав из книжки заполненный чек, протянул его Крессу: – Вот, Джей, мой чек на двадцать четыре тысячи. Иди и получи по нему деньги. Я пойду с тобой, а потом – катись с глаз долой!

Взяв чек, Кресс помахал им, чтобы подсохли чернила, и сочувственно посмотрел на Ларри.

– Для любого потерять столько денег равносильно катастрофе, – произнес он. – Во всяком случае, столько проигрывать ты не собирался. Слушай, Линмаус, мы должны вместе выпить и обо всем потолковать.

– О чем тут говорить? Дело сделано, и баста!

– Ну-у, Ларри. Понимаешь, у меня созрела одна идея. Так ты выпьешь со мной?

– Нет, – процедил сквозь зубы парень. Но тут до него дошло, что, проиграв, он ведет себя не совсем достойно, и ему стало стыдно. – Хорошо, согласен. Но только по одной. Ну надо же, веду себя как побитый мальчишка!

– Что ты, Ларри! Все нормально, – заверил его Джей Кресс и широко развел руки. – Любой проигравший двадцать четыре тысячи повел бы себя гораздо хуже. Слушай, у меня к тебе предложение. Если примешь его, то и чек твой обналичивать не придется. Идея отличная! Она только что пришла мне в голову!

– Какое-нибудь крутое дельце? Но я с этим тоже порвал! – воскликнул перевоспитавшийся бандит. – И мне хотелось бы... – Не закончив фразы, Ларри направился через улицу, а его Фортуна, словно верный пес, зашагала за ним.

Джей Кресс поспешил следом. Дойдя до двери салуна, в которую вошел ее хозяин, лошадь смиренно остановилась.

Присев с Линмаусом у барной стойки, Джей заказал выпивку – себе покрепче, а Ларри – небольшую кружку пива.

– Нет-нет, Джей, даже пива не буду, – угрюмо произнес Ларри. – Я же на лошади. Правда, ехать мне недалеко, но все равно – не хочу, чтобы от меня даже пахло. Ну что, Кресс, какое у тебя ко мне предложение?

– Значит, сразу быка за рога? – спросил Кресс. – Отлично. Я всегда считал тебя человеком дела и очень рад, что ты таким и оказался. Никогда ничего, кроме удачи, я тебе не желал.

– Да хватит об этом! – недовольно отмахнулся парень. – Мне не до этого. Вот выслушаю твое предложение и слиняю.

– Ну не парень, а прямо порох – чуть что, сразу взрывается. Ты, Ларри, таким никогда не был. Наверняка здесь замешана женщина. Иначе свой проигрыш ты воспринял бы с улыбкой.

– Ты прав, – согласился Линмаус, – это из-за женщины. Извини, что разозлился, но те деньги я собирался потратить на женитьбу. Теперь тебе все известно, и больше об этом ни слова.

– Собрался жениться? И мне хотелось бы того же. Жениться, осесть где-нибудь и жить как все нормальные люди. – Кресс произнес эти слова, прокаркав их как ворон.

У Ларри запершило в горле.

– Мою женитьбу обсуждать не собираюсь, – предупредил он.

– Хорошо, Ларри. Тогда поговорим обо мне. Я тоже подумывал о том, чтобы найти себе жену. Для нормального мужика это вполне естественно. Я даже денег на женитьбу накопил. Какими только способами я их не добывал! А твои мне совсем не нужны. Я даже подумываю, а не порвать ли мне твой чек.

Сказав это, Кресс вынул из кармана банковский документ на получение двадцати четырех тысяч долларов. Он уже собрался его разорвать, но тут Ларри мертвой хваткой схватил картежника за запястье.

– Не делай этого, – грозно приказал он. – Ни в чьей милости я не нуждаюсь. Хоть и повел себя как обиженный ребенок, но сострадания ни от кого не потерплю. Понял?

Поведение Джея Кресса, про которого Линмаус знал, что он не только не способен проявить великодушие, но даже и простого доброго чувства ни к кому испытать не может, было странным. Прожженный пройдоха Кресс вел себя так, словно деньги, добытые им в честной игре, его совсем не волновали!

– Ты хороший мужик, старина, – заявил он. – Лучше тебя не бывает. И неудачи свои переживаешь как надо. Извини за такой вопрос. Но этот проигрыш расстроил твои свадебные планы?

– По крайней мере, женитьбу на некоторое время придется отложить.

– Ага. Но думается, ненадолго. Тебе, чтобы вновь разбогатеть, много времени не потребуется.

– Быстро добыть деньги можно только на большой дороге, – с горечью констатировал Ларри. – Но с этим я завязал!

– Почему же?

Линмаус отвел глаза, задумчиво посмотрел куда-то вдаль и пробормотал:

– Я поклялся никого больше не грабить.

– Ты кому-то дал клятву?

– Да. Себе.

Кресс от удивления присвистнул.

Бармен с услужливым видом приблизился к ним, но Джей взмахом руки тут же его отослал. В салуне стали появляться люди. Одни, войдя в заведение, усаживались в дальнем углу зала, другие – занимали места в конце барной стойки. Линмаус догадывался, что пришли они сюда, чтобы получше рассмотреть его. С одной стороны, интерес к нему жителей Крукт-Хорна вызывал у Ларри чувство гордости, но с другой – злил его. Ведь видели они в нем только известного в округе бандита, к которому и приблизиться было опасно.

– Ну и положеньице у тебя! – заметил Джей. – Выходит, ты сам повязал себя по рукам и ногам. Тогда придется зарабатывать честным путем и по крохам. Так нужную сумму наберешь не скоро.

– Не скоро? – раздраженно переспросил Ларри. – Да неужели я не знаю, какие деньги можно заработать честным трудом? Семьдесят пять баксов в месяц, да еще если крупно повезет. Сорок из них тратить, чтобы не сдохнуть от голода. Так что за год можно накопить около четырехсот, а пять-шесть тысяч долларов у меня появятся не раньше чем через десять лет. И то, если все пойдет нормально и меня не скрутят болезни.

– Ну, десять лет – это не вся жизнь. Но я...

– Десять лет – не вся жизнь? – взревел Линмаус. В его голосе прозвучало отчаяние.

– А, ну да. Теперь я все понял! – воскликнул картежник. – У тебя уже есть девушка, от которой ты без ума. И она от тебя тоже. Откладывать такой брак даже на сутки для вас равносильно несчастью. Так ведь?

Линмаус ничего не ответил и только тяжело задышал.

– Я знаю, какого ты обо мне мнения, – мягким голосом произнес Джей. – Ты считаешь, что у меня ничего подобного быть не может. Да?

– Ничего я не считаю, – резко бросил Ларри.

– Да, на вид я неказист. Выгляжу как иссохшая крыса. Но я, старина, положил глаз на девушку и хочу на ней жениться. Но беда вся в том, что девушка отказала мне. И вовсе не из-за денег, а из-за тебя.

Глава 5

Репутация

Линмаус оторопел.

– Что за чушь ты несешь? – сверкая глазами, удивленно спросил он.

– Наши дорожки пересеклись, Ларри. Этому ты удивился?

Линмаус недоуменно пожал плечами:

– Никак не пойму, к чему ты клонишь, Кресс. Или выкладывай все начистоту или замолчи вовсе!

– А я ничего утаивать от тебя и не собирался. Даже назову имя моей девушки.

Линмаус сердитым взглядом окинул барную стойку. Поблизости от них с Крессом никого не было.

– Да? – произнес он. – Но я ее имени называть не просил.

В эту минуту Ларри думал о своей невесте и боялся, что не сдержится – врежет этому ублюдку по роже, как только тот произнесет имя Кейт Оливер.

Линмаус наострил уши.

- Да ты ее знаешь, Ларри! Это - Черри Дэниельс.

- Нет, такую не знаю.

- Вспомни! Там, в Джексон-Форде. Маленькая такая черноглазая красотка. Ты танцевал с ней один раз.

- А, теперь вспомнил. Но я здесь при чем? Если думаешь, что между нами что-то было, то глубоко заблуждаешься. Дай Бог, если мы с ней обменялись парой фраз.

- Нет, все дело как раз в тебе. Не совсем, правда, но все же. Ты - Ларри Линмаус, и любая, лишь взглянув на тебя, сразу же теряет голову!

- Ерунда! - отмахнулся парень, которому разговор на эту тему стал уже противен. - Давай-ка, Кресс, лучше по существу.

- А это и есть по существу!

- Ну тогда ближе к делу.

- Ларри, Черри после встречи с тобой думает только о тебе!

Линмаус тяжело вздохнул:

- Дружище, а я что тут могу поделаться? Это девичья блажь, и ничто больше. Извини, конечно, но на них в этом возрасте всегда находит дурь!

- Ничего. Вся беда в том, что ты, Ларри, парень видный. Представительный, с голубыми глазами. В тебе шесть футов роста, и ходишь ты как породистый жеребец. Король, да и только! Неудивительно, что у Черри все разговоры только о тебе. Она совсем неглупа, прекрасно понимает, что ты для нее - журавль в небе. - Кресс засмеялся, но смех его был печальным. - А каково мне все это видеть? - покачав головой, добавил он.

- Послушай, Джей, - сказал грабитель. - Ты привел меня сюда, потому что тебе от меня что-то нужно. Ты и у банка оказался не для того, чтобы попытаться

вернуть свой проигрыш. Судя по всему, даже двадцать четыре тысячи тебя не волнуют! Так что говори, что тебе от меня нужно. Только поясней да покороче.

– Хорошо, Ларри, – глядя ему в глаза, кивнул картежник. – Ты можешь сделать так, что я почувствую себя на десять лет моложе.

Услышав это, Ларри даже не улыбнулся. Он знал, что даже Джей Кресс, влюбившись, шутить не станет.

– Я не маг и не волшебник, – медленно произнес он, – но раз ты говоришь, что я могу сделать тебя на десять лет моложе, то, видно, так оно и есть. Правда, я всегда считал, что изменить возраст можно только с помощью револьвера – нажал на спусковой крючок, и ты уже старше, чем Мафусаил. Ну да ладно, Джей, продолжай!

– Да, ты можешь сделать меня моложе. Ты можешь убрать с моего лица все морщины. Ты можешь превратить меня, серую крысу, в настоящего красавца.

– Ну ты и даешь! – с сомнением в голосе воскликнул Линмаус. – Продолжай! Что еще я могу сделать?

– Можешь сделать из меня героя. Как ты сам, Линмаус! – Джей замолчал. Было видно, что он искренне верил в чудодейственные силы своего собеседника. Крупные капли пота выступили у него на лбу и растеклись по морщинам. Картежник тяжело дышал, словно только что взбежал по крутой лестнице.

– Похоже, ты уже подобрался к сути своего разговора, – заметил Ларри. – Давай выкладывай! Только покороче.

– Да ты что? Об этом коротко сказать невозможно. Как вкратце описать те чувства, которые испытывает к тебе Черри? Она же, глядя на меня, постоянно сравнивает тебя со мной. Я и сам знаю, что в подметки тебе не гожусь. Кто я такой? Профессиональный картежник, а не крутой парень, как ты. Сказать по правде, я бы мог обеспечить ей безбедную жизнь. Приобрести хороший дом, завести породистых лошадей, купить приличный экипаж, одеть ее в дорогие платья. Словом, все, что она захочет. Черри знает, что ради нее я могу бросить играть в карты и перестать быть шулером. Я готов поклясться на Библии, что сделаю для нее все, лишь бы она дала согласие стать моей женой.

- Но она согласия не дала?

- Знаешь, Ларри, у нее два молодых брата, к которым на хромой козе не подъедешь. Ребята лихие, чуть что - хватаются за оружие. И наездники они отличные. Оба участвовали в перестрелках. Такие любого заставят с собой считаться. Один из них, Лью Дэниельс, в одиночку поймал двух воров, пытавшихся угнать лошадей. Второй брат, Том, справился с четырьмя напавшими на него и единственно о чем сожалел, что не прикончил их. Отец Черри частенько вспоминает старые времена, когда жизнь человеческая и гроша ломаного не стоила. Да что там отец! Ее мать и та участвовала в сражениях с индейцами! Так что можешь представить, какая в их семье атмосфера. Да и самой Черри ничего не стоит подстрелить в лесу белку. В седле она держится более чем уверенно. Ты бы видел, как она скачет на лошади! Как черт!

- Да я видел.

- Так что для нее мужчина, если он не отъявленный головорез, ровным счетом ничто.

- Понимаю. Только не знаю, Кресс, как тебе помочь. Может, хочешь, чтобы я сходил к Дэниельсам и убедил их, что ты крутой малый?

- Нет, в этом их никто, кроме меня, не убедит, - с горечью в голосе проговорил Кресс. - А как мне это сделать?

- Отправляйся на юг вдоль реки. Там ныне завоевывается слава! - глядя Джею прямо в глаза, с издевкой посоветовал Ларри.

- Я - не трус, - отреагировал Кресс. - И ты это прекрасно знаешь.

- Да, ты - не трус. Ты человек храбрый, - признал грабитель. - Я никогда в этом не сомневался.

- Понимаешь, за карточным столом мой характер я могу проявить. Если игрок шельмует, способен, ни слова не говоря, даже его пристрелить. А стреляю я неплохо. Но это только в ссоре, а вот специально идти и задираться перед каким-нибудь крутым малым - это не в моем характере!

– Понятно. Никто не хочет искать на свою голову приключений.

– Никто, Ларри?

– Я же сказал: никто.

– А я вот помню случай пятилетней давности. В Финиксе в одном из салонов сидел вооруженный до зубов Бутс Донелли. К нему подошел девятнадцатилетний парнишка и стал задираться. В тот день настроения драться у Бутса не было. Несколько лет он провел в тюрьме, проблем у него и без того хватало. Но тот девятнадцатилетний явно жаждал драки. Между ними завязалась словесная перепалка. В конце концов Донелли, расвирепев, выхватил револьвер, чтобы застрелить парня, но тот опередил его. Так, может быть, ты вспомнишь, как звали того мальчонку? Нет? Так вот, имя его было Ларри Линмаус!

Парень тяжело вздохнул.

– Тогда я был дураком, и довольно жестоким, – пояснил он. – Сейчас я об этом очень сожалею.

– Ага, ты сожалеешь! А что говорить о Донелли, который отправился к праотцам? Не выйди он из себя, то и сейчас бы жил. Но зачем ты на него наехал? Что он тебе такого сделал? Он, наверное, и не знал, что ты в него пальнешь. Неужели тебе так хотелось славы? Боже! Ты ведь уже семь лет купался в ее лучах! Нет, не ее тебе было нужно. Тебе захотелось поиграть со смертью, посмотреть ей в глаза. Хотел сделать то, чем занимался последние двенадцать лет. Или я, Линмаус, не прав?

Ларри задумчиво глядел в потолок.

– Да, ты прав, и, надеюсь, Всевышний простит меня! – воскликнул юноша.

Картежник удивленно взглянул на него и тряхнул головой, словно собирался нырнуть в ледяную воду. Он был потрясен – не ожидал услышать такое от знаменитого грабителя и убицы.

- Ты сильно изменился, Ларри, - заметил Кресс.

- Молю Бога, чтобы так оно и было.

- Ты и в Бога стал верить? Или нет, об этом спрашивать не буду. Ты и с пушкой своей перестал забавляться? Ты что, совсем отошел от прежних дел?

- Да, совсем!

- А как же тогда быть с моей просьбой?

- С какой просьбой? Ничего не понимаю.

- Сейчас поймешь. Ты, Ларри, уже не тот, что был раньше. С оружием и разными там молодецкими выходками ты теперь завязал. А я-то так хотел стать таким, как ты!

- Если тебе нужна моя слава, то иди и добивайся ее.

- Я же говорил, что это не по мне.

- Что-то я ничего не пойму, Кресс. Мне кажется, ты что-то скрываешь.

- Никогда еще я не был так искренен с тобой, как сейчас, Ларри. Поверь мне!

- Ну ладно, верю.

- Ты так и не понял суть моего предложения?

- Пытаюсь понять, но у меня ничего не получается.

- Слушай, парень. Чтобы жениться, тебе нужны деньги. Так?

- Так.

- А мне нужна репутация крутого малого.

- Ты об этом уже говорил.

- Так давай махнемся. Я верну тебе двадцать четыре тысячи, а ты мне - свою репутацию.

Молодой парень затянулся сигаркой и выпустил изо рта клубок сизого дыма. Затем, зажав в кулаке дымный воздух, протянул руку Крессу и разжал ее.

- Вот тебе моя репутация, - с улыбкой произнес он.

- Да послушай же ты! У меня твой чек. В нем твоя дальнейшая судьба. Если я его уничтожу, ты можешь сразу же жениться и стать счастливым.

- Да, Джей, это так.

- Чек твой мне совсем не нужен. Я хочу обменять его на то, что для тебя в данный момент потеряло всякую ценность. На твою славу! - сообщил Джей и тут же пояснил: - Не на репутацию честного парня, труженика и счастливого мужа, у которого счет в банке. Нет, не на нее - на твою прежнюю известность!

- Боже милостивый, Джей! Да как же можно ее передать?

- Очень просто! Сделай вид, будто ты меня боишься!

Глава 6

Не стреляй!

Ларри был поражен. Он удивленно смотрел на Кресса и не мог понять, шутит тот или нет. Судя по всему, картежник долго думал над тем, как приобрести славу крутого парня и заслужить уважение своей девушки. По его замыслу, Линмаус, спасовав перед ним, должен будет прилюдно проявить себя слабаком и показать

всем, что есть кто-то сильнее и круче его!

Раньше Линмаус, даже зная о шулерстве Кресса, ничего, кроме жалости, к нему не испытывал. Вот и сегодня дал шанс ему отыграться. Правда, при этом не мог себе представить, что сам может проиграть. Ему явно не везло, но, несмотря на это, предложи Джей продолжить игру, он все равно согласился бы.

Ларри вцепился руками в край барной стойки. Принять предложение Кресса для него означало – потерять репутацию бесстрашного, лихого головореза. Все считали его жестоким дерзким грабителем, презирающим опасность, и большим любителем рисковать. А теперь он превратится в труса. Нет, на такое Ларри пойти не мог. Проезжая по Крукт-Хорну, он видел, с каким страхом и одновременно восторгом смотрели на него жители городка. Это позволяло ему ощущать некоторое превосходство над людьми и приятно щекотало самолюбие.

Линмаус поднял глаза на Кресса.

Тот был бледен как полотно. От волнения Джей вспотел еще больше, и теперь капли пота катились по его лицу. Выглядел картежник неважно. Он производил впечатление упавшего духом человека.

– Скажи, что конкретно я должен сделать? – чужим голосом поинтересовался Ларри.

– Я все обдумал. Мы разыгрываем сценку. Я сделаю вид, что пришел в ярость, и начну тебя оскорблять. Извини, но ругань моя будет площадной. Ты поначалу удивленно на меня посмотришь, но я стану дальше задираться. Затем ты схватишься за кобуру, а я раньше тебя выхвачу мой револьвер и наставлю его на тебя. Тогда ты вскинешь руки и закричишь: «Ради Бога, не стреляй!» Понял, Ларри?

– Ах ты, гадина! Змея подколодная! – возмутился Линмаус.

Кресс шумно вздохнул, и вздох его был скорее похож на стон.

– Нет, ты все-таки подумай, – предложил он. – Конечно, это не мое дело, но твоя девушка...

– Кресс, – оборвал его Ларри, – если ты еще хоть раз упомянешь ее, я сверну твою морщинистую шею!

Джей облизнул бледные потрескавшиеся губы.

– Подумай, Ларри! Двадцать четыре тысячи всего за какие-то тридцать секунд позора! Потом, если какой-нибудь малый вдруг начнет задираться, как я, ты сможешь разможжить ему голову! И репутация твоя снова будет восстановлена.

– Да пошел ты ко всем чертям! – еще больше рассердился парень. – А ты представляешь, что обо мне подумают люди? Увидев, как я струсил, они станут относиться ко мне как к куче дерьма! Вот что я получу взамен! Нет, это уж слишком!

– Ну что ты, Ларри! Конечно, прослыть трусом неприятно, но потом ты свое возьмешь. За пару секунд ты разделаешься с любым, кто неуважительно посмотрит в твою сторону, и станешь более знаменитым, чем прежде. А этот неприятный для тебя эпизод... Его можно легко списать на плохое настроение или на невезуху, наконец. Тебе же сегодня не везло... – Джей улыбнулся.

Но улыбка на его лице была такой омерзительной, что Ларри поморщился и отвернулся.

Кресс вновь достал чек и чиркнул спичкой.

– Решайся, Ларри. Скажи «да», и я его подожгу. Ты слышишь меня? Еще секунда, и у тебя никаких проблем! У тебя будут деньги, дом, любимая жена, тихая, спокойная жизнь. Потом пойдут дети. Ты станешь уважаемым гражданином. А я? Я тоже стану другим. Душа моя обретет крылья. Я помолодею! Ну, давай, Ларри, а то спичка догорает.

Линмаус боялся взглянуть на Джея. Он смотрел на зеркальную стенку бара, у которой, выстроившись в ряд, стояли искрящиеся содержимым бутылки. Виски поблескивало бледно-золотистым цветом, темно-вишневое шерри отливало бурым оттенком, а пузатая бутылка с красным вином, словно огромный кровавый глаз, угрожающе уставилась на него. На бутылках были наклеены этикетки с названием известных фирм. В дальнем углу бара парень видел людей, пришедших ради того, чтобы воочию увидеть его, великого Линмауса, грабителя

и героя.

Около его уха, громко жужжа, пролетела муха. Ларри вздрогнул и, словно очнувшись ото сна, с удивлением оглядел заведение, будто видел его впервые.

- Ты меня слышишь, Ларри? - шепотом повторил Кресс.

Однако его шепот показался бандиту голосом из преисподней.

- Спичка почти сгорела, - продолжил Джей. - Так поджигать или нет?

- Да! - почти крикнул Ларри и вновь вздрогнул.

Картежник с шумом выдохнул, словно алкаш после пропущенного стакана виски и чуть слышно проговорил:

- Слава Богу!

Чек в его руке объяло желтым пламенем, и вскоре он превратился в горстку пепла. Ларри снова был при деньгах - за считанные секунды к нему вернулись двадцать четыре тысячи долларов. А это означало, что дальше жизнь потечет по намеченному им плану. Теперь ничто не помешает ему жениться на красавице Кейт Оливер, купить дом, завести детей и не грабежом, а честным трудом зарабатывать себе на существование! Да, все будет именно так, но для этого надо еще, как сказал карточный шулер, пережить тридцать секунд позора.

Внутри у него все затряслось, хотя, держась обеими руками за стойку, он старался выглядеть спокойным.

Неожиданно рядом раздался крик:

- Да ты брешешь, Линмаус!

Ларри обернулся. Он был готов ко всему, только не к этому. И тут заметил, как мужчины, сидящие в дальнем конце бара, оторвались от стаканов и дружно посмотрели в его сторону.

А перед ним на расстоянии вытянутой руки маячило свирепое лицо Кресса. Его зеленые глаза флюоресцировали, как у кошки.

– Ты врешь! Врешь! – снова выкрикнул он. – Слышишь? Не боюсь я ни тебя, ни твоего револьвера. Ну попробуй,хвати его, и я разнесу тебе башку!

– Ты, подлый трус! – вскричал Линмаус, хватаясь за кольт.

Однако, едва его пальцы сжали знакомую рукоятку револьвера, как он вспомнил о договоренности с Джемом. Окажись на его месте кто-нибудь другой, Ларри не задумываясь вскинул бы револьвер и прикончил наглеца.

Но на этот раз его кольт так и остался в кобуре! Он должен был действовать так, как его просил Кресс – поднять руки и закричать: «Ради Бога! Не стреляй!»

Как-то в небольшом городке штата Невада у Ларри с одним парнем произошла ссора. Придя в ярость, он первым выхватил револьвер и наставил его на того парня. И тот, вскинув руки точно так же, как это сейчас надлежало сделать ему самому, прокричал те же слова. «Почему же я не вспомнил об этом случае раньше?» – промелькнуло у него в голове.

Выбросив вперед руку и пересиливая себя, Линмаус выкрикнул:

– Ради Бога, Кресс, не стреляй! – затем, поднявшись с места, направился к выходу. Он шел, прикрывая лицо рукой, и боковым зрением видел изумленные глаза посетителей бара.

Что же в тот момент думали те, кто пришли посмотреть на него, легендарного бандита, прославившегося своим бесстрашием?

Парня охватил ужас. На лицах жителей Крукт-Хорна застыло нескрываемое злорадство. Злорадство, смешанное с презрением, которое испытывают люди, когда они наблюдают за огромным медведем, убегающим от маленькой шавки.

Не видя ничего перед собой, Линмаус кое-как добрался до выхода, но в дверной проем вписаться не смог. Он так сильно ударился о дверной косяк, что стены салуна задрожали.

Сзади раздался громкий, раскатистый смех, а затем прозвучал насмешливый голос картежника:

– Желторотый цыпленок! Еще раз попадешься – прикончу на месте! И к оружию прибегать не стану. Я не из тех, кому ты привык стрелять в спину! Не на того нарвался! Я за себя постою! А теперь вали отсюда, пока не намылил тебе холку! Еще раз встречу...

Наконец Ларри нашел дверь и выбрался на улицу.

От яркого, слепящего солнца он зажмурил глаза. Сильный порыв ветра сорвал с его головы шляпу, но ловить он ее не стал, а сразу же оседлал Фортуну. Дверь салуна отворилась, и до него донеслось:

– Так оно и оказалось. Все трусы, а особенно те, кто изображает из себя храбрецов! Давай проваливай со своей клячей, не то пристрелю!

Фортуна сорвалась с места и понеслась галопом по знакомой Ларри улице. Справа и слева от него замелькали дома, но всаднику казалось, что его быстрая лошадь скачет слишком медленно.

Мерзкий холодок пробежал по его спине. Чувство унижения, которое он только что испытал, мучило его. Он мчался на лошади и вспоминал времена, когда, приставив к стенке сразу нескольких своих противников, принуждал их сдаться! И после этого испытать такой позор? До чего же он докатился!

Да, двадцать четыре тысячи долларов остались при нем. Они позволяли жениться, гарантировали счастье и безоблачную жизнь. Но сейчас эти двадцать четыре тысячи казались ему двадцатью четырьмя тысячами раскаленных углей, которые нестерпимо жгли душу. Лицо и уши его горели. Внутри все трепетало. Он был морально убит. Парня бросало то в жар, то в холод.

На выезде из городка, пришпорив лошадь, он заметил играющего на улице мальчика. Завидев всадника, тот сложил ручонки и прокричал:

– Эдди! Эдди! Смотри, Ларри Линмаус! На Фортуне. На той самой!

Глава 7

Никогда больше!

То мчась во весь опор, то замедляя бег лошади, Линмаус пытался успокоиться, поэтому бесцельно блуждал вокруг Крукт-Хорна. Однако чувство стыда, словно собственная тень, его не покидало.

Наконец, когда солнце стало клониться к закату, а жара постепенно спадать, Ларри неожиданно, как ему показалось, оказался неподалеку от того места, где жил Уильям Оливер. Ранчо президента банка располагалось далеко за чертой городка, в той части местности, откуда начинались холмы, у подножия которых росли высокие тополя. В тени деревьев даже в самые жаркие дни было прохладно и сыро. Дом банкира напоминал бы жилище богатого фермера, если бы не его планировка. К основному, очень длинному зданию, то там, то здесь примыкали более низкие пристройки. Даже человеку, не сведущему в строительстве, было понятно, что дом банкира строился без каких-либо чертежей или плана. Глядя на него, можно было предположить, что застраивалось ранчо Оливеров по мере того, как росло благосостояние его хозяев, в спешке и хаотично.

К усадьбе вела длинная тополиная аллея, по которой в давние времена гоняли коров. Если по кронам деревьев гулял ветер, шелест листвы становился похожим на шум морского прибоя.

Когда Ларри Линмаус направил лошадь к дому Уильяма Оливера, как раз подул легкий ветерок. Едва он въехал в аллею, как густые кроны тополей, подобно морским волнам, сомкнулись над ним. Проезжая по дороге, Ларри то и дело поднимал голову и смотрел на окутавший его зеленый полог.

Уже подъезжая к дому, он заметил Си Такера, на ногах которого поблескивали резиновые сапоги. Старый негр, выполнявший в усадьбе всю черную работу, стоял рядом с навесом и мыл двухместную коляску. Заслышав топот копыт, Си выпрямился, обернулся и удивленно уставился на парня, будто впервые его увидел.

– Си, мисс Кейт дома? – спросил тот.

- Думаю, да, - не сразу ответил негр и снова занялся своей работой.

Вращая поддомкраченное колесо коляски, он мокрой губкой смывал налипшую на шину дорожную грязь. «Работа ответственная, но не настолько, чтобы так явно игнорировать меня, - подумал Линмаус, и тревожная мысль мелькнула в его голове. - Неужели здесь уже известно о моем позоре?»

Скрипнула дверь и со стуком захлопнулась. Нахмурившись, Ларри оглянулся на звук и увидел на пороге дома банкира.

Уильям Оливер выглядел совсем по-домашнему, не то что в конторе. Белый жесткий воротничок сорочки, который весь рабочий день давил ему шею, был расстегнут. На шее виднелось красное пятно, натертое верхней пуговицей. Банкир вышел в домашних шлепанцах и старом сером пиджаке из шерсти альпаки, тонкой и легкой, словно хлопчатобумажная ткань.

Он смотрел на Линмауса еще величественнее, чем в банке, где с деловым видом сновали его многочисленные подчиненные, демонстрируя боссу свое рвение в надежде получить повышение по службе.

От долгого ношения очков, которые ему сейчас были не нужны, на носу у мистера Оливера образовались глубокие вмятины, отчего его лицо приобрело унылое выражение. В руке он держал курительную трубку, популярную когда-то в Германии - длинную и слегка изогнутую.

Наконец банкир кивнул Линмаусу и с легкой улыбкой вяло произнес:

- Входи и присаживайся, друг мой.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, Ларри в нерешительности остановился.

- Если можно, мне хотелось бы увидеть Кейт, - сказал он.

- Кейт очень устала, - сообщил отец девушки и, нахмурившись, принялся раскуривать трубку. Вскоре из его рта вырвался клуб дыма, закрыв на какое-то мгновение лицо. - Зайди, присядь, расслабься. Вытяни ноги, - повторил он свое приглашение. - Ну и хороша же твоя Фортуна! Не лошадь, а чудо! И не

подумаешь, что всего месяц назад ее чуть было до смерти не загнали. В отличном состоянии!

– Да, в неплохом, – без особого энтузиазма согласился Ларри.

– Вот что значит порода, – заметил банкир. – И у людей точно так же. Если человек от природы выносливый, то он быстро восстановит свои силы. А что касается такой человеческой черты, как храбрость, то она, увы, не наследуется. Извини, но Кейт очень устала и выйти к тебе не сможет. – Оказав это, мистер Оливер бросил усталый взгляд в глубь тополиной аллеи.

Линмаус закусил губу. «Отец Кейт явно что-то недоговаривает. Неужели он надеется, что я так и уйду, не повидав девушку, которую люблю и которая отвечает мне взаимностью? К чему эти пустые отговорки?» – подумал он.

Ларри не видел Кейт уже шесть месяцев, на протяжении которых участвовал в различного рода авантюрах, терпел лишения, рисковал жизнью. Но все эти полгода он тосковал по любимой и мечтал о встрече с ней.

– Фортуна породистая лишь только наполовину, – уточнил Линмаус. – Второй родитель у нее дикий мустанг. Правда, внешне она совсем на него не похожа.

– Да, но необычайную резвость и выносливость явно унаследовала от него. Ни у одной даже самой чистопородной лошади такого нет. Я считаю, единственный недостаток диких лошадей – их короткие ноги. С такими ногами в галопе быстро не поскачешь. Правда, в горах или на плоскогорье длинные ноги им ни к чему. А вот интересно, сможет твоя Фортуна победить на скачках?

Линмаус понял, что хозяин дома хочет его заговорить и увести от основного дела, ради которого он тут оказался.

– Мистер Оливер, – тихо произнес он, – я пришел, чтобы увидеть Кейт. Уверен, если вы ей скажете, что я здесь, она непременно выйдет. Хотя бы на минуту.

Банкир тяжело вздохнул и поморщился.

– Друг мой, она знает, что ты здесь, – мягко ответил он и устремил взгляд в аллею.

Глядя на его спокойное лицо, Линмаус вдруг понял, что банкир вовсе не испытывает отцовского страха лишиться любимой дочери, хотя, вне всякого сомнения, он против их брака. Кому понравится иметь своим зятем преступника?

– Так Кейт знает, что я здесь, но выйти не хочет? – резко уточнил он.

– Мальчик мой, у нее головная боль. Очень сильная. Знаешь, как это бывает у женщин? – избегая взгляда парня, заявил Уильям Оливер.

Ларри подался вперед.

– Скажите, мистер... – начал он и остановился.

– Да, мой друг?

– Уверен, вы уже прослышали о ссоре в салуне. Так из-за этого Кейт не хочет меня видеть?

– О ссоре? – переспросил отец девушки и кашлянул. – Понимаешь, Ларри, после нее в городе пошли всякие там разговоры. Думаю, Кейт о них тоже услышала.

Линмаус сразу все понял.

– Так это вы все сами ей и рассказали? – воскликнул он.

– Да, я, – кивнув, на выдохе произнес мистер Оливер. – Лучше, чтобы она узнала это от отца, чем от посторонних.

– И что же вы ей сообщили?

– Ларри, не думаю, что мой пересказ тебе понравится. Послушай, дружок, я тебя прекрасно понимаю. Нельзя же быть храбрым всегда. Наступает момент, когда и смельчак пасует.

– Я хотел бы знать, что вы рассказали Кейт. – Лицо Линмауса побелело.

– Хорошо. Я сообщил ей, что Джей Кресс, картежник, нанес тебе пощечину и бросил вызов, а ты стал умолять его о пощаде! – суровым голосом доложил банкир. Потом медленно повернул голову и встретился глазами с Линмаусом.

Такого тяжелого взгляда Ларри вынести не мог и тотчас отвернулся. Но стоило ли убеждать Оливера, что никакой пощечины от Кресса он не получал? Парень не сомневался – история их «ссоры» благодаря устам горожан обросла и более неправдоподобными подробностями, которых на самом деле в помине не было. Очень даже возможно, что все уже говорили, будто там, в салуне, он упал на колени и умолял Кресса не стрелять в него.

«Да, паршиво получилось – хуже не придумаешь», – с отчаянием подумал Линмаус и вновь посмотрел на банкира.

А тот, словно щадя самолюбие юноши, отвел от него глаза и устремил взор на розовеющее над верхушками тополей небо.

– Я объясню вам, как все было, – хриплым голосом пробормотал Ларри. – То, что я просил Кресса не стрелять, – это правда. Но между нами был такой уговор. Кресс попросил меня разыграть сценку. Я должен был изобразить из себя труса...

– Попросил? – удивился Оливер.

– Да. Джей хотел, чтобы все думали о нем как о крутом малом. Он уговорил меня... – Ларри остановился, так как понял, что его объяснение звучит совсем неубедительно.

Банкир не проронил ни слова. Он прикрыл глаза рукой – но не для того, чтобы скрыть радость, а для того, чтобы не показать парню своего презрения. И в этом не было ничего удивительного. Кто ж поверит в такую байку, которую он только что ему поведал? Люди на суровом американском Западе, среди которых Линмаус завоевывал авторитет головореза, ни за что не поверили бы! Они сами носили оружие, частенько из него постреливали и прекрасно знали, что к чему.

Ларри понял, что слова его не убедили собеседника. Да и не смогли убедить. Зачем же дальше пытаться делать то, чего сделать невозможно?

Он поднялся, чувствуя такую усталость, какой в своей жизни никогда еще не испытывал.

– Передайте Кейт, что мне хочется в последний раз взглянуть на нее, – попросил тихо.

Мистер Оливер встрепенулся.

– Бесплезно... – начал он, но Линмаус его перебил:

– Не бойтесь! Умолять Кресса в салуне, я не стану!

– У тебя есть право видеть Кейт. Так ты настаиваешь?

Ларри рассмеялся и сам удивился своему звонкому, неестественному хохоту.

– Да, настаиваю.

Отец девушки скрылся в доме, а Ларри, проводив его взглядом, увидел в сумрачном холле сквозь стеклянную дверь девичью фигурку в белом. Кейт подошла к двери, коснулась ее рукой, но открывать не стала. За ее спиной маячил темный силуэт Уильяма Оливера.

– Хочу тебя спросить, – чужим, незнакомым голосом произнес Ларри. – Ты передумала? Так ты любила меня только за то, что я был головорезом? Что же ты теперь хочешь?

Линмаус прождал долго, прежде чем Кейт с трудом проговорила:

– Ларри, я... – и умолкла.

Ее дрожащий голос потряс Ларри. Презрение, которое он увидел в глазах любимой девушки, повергло его в ужас.

– Все кончено, – резко, обретая прежний голос, объявил он. – Мне только хотелось в этом убедиться. Прощай, Кейт! Не приведи Бог никому увидеть то, что я прочел в твоих глазах.

Глава 8

Весь мир – пустыня

Затем Линмаус вернулся к Фортуне и уже взялся за поводья уздечки, как заметил рядом банкира.

– Прощайте, мистер Оливер! – бросил он и прыгнул в седло.

– Твои жестокие слова ранили сердце моей девочки! – сказал Оливер.

– Я ранил ее сердце? Ах, ее сердце! – вскричал Ларри и истерично захохотал. – Ее доброе и верное сердце! Таким может гордиться любая женщина. У такой, как Кейт, верности хватит лет на десять.

– И ты можешь это повторить, глядя мне в глаза? – удивленно спросил банкир.

– Глядя вам в глаза? – переспросил Линмаус. – А почему бы нет, мистер Оливер?

Он подъехал поближе к Оливеру и, наклонившись с лошади, встретился взглядом с банкиром. В этот момент дикая ярость обуяла его.

Отец Кейт ойкнул и в страхе отступил назад.

– Со мной-то ты смел, ведь бояться тебе нечего. Я стар и к тому же невооружен! – воскликнул он.

– И только поэтому, мистер Оливер? Ну нет, не только! Я вас не боюсь, потому что я вас наконец узнал. И вашу дочь тоже. Дочь банкира! Конечно же ей нужен в мужа не любящий ее человек, а авторитет! Пусть даже и преступный!

– Так вот какого ты о ней мнения? Тогда хорошо, что вы расстались. И жалеть об этом ты никогда не будешь.

– Жалеть? Я? Ну уж нет! Ни за что! – И, не сводя с банкира холодных глаз, Ларри снова залился неприятным для мистера Оливера хохотом. Затем, быстро развернув лошадь, выехал на дорогу и помчал ее в галопе.

Изумленный банкир посмотрел ему вслед, повернулся и направился к дому. От встречи с Линмаусом у него в душе остался неприятный осадок.

Из дому навстречу ему выбежала взволнованная Кейт.

– Папа, останови его! Пожалуйста! – закричала она.

Мистер Оливер схватил дочь и сжал ее в своих объятиях.

– Верни его! Крикни ему! – в отчаянии умоляла девушка. – Мне надо с ним поговорить. Я должна! Он же сошел с ума! Ты слышал его безумный хохот? Верни его!

Но банкир не выпустил дочь из рук. Без тени сомнения в голосе он заявил:

– Скорее верну своего злейшего врага, чем его. Слава Богу, ты теперь от него свободна! Я многих повидал на своем веку, но такого зверя еще не встречал. Нет, он хуже зверя. Просто дьявол! Поверь мне!

– Но папа! Я никогда не смогу его забыть! – причитала девушка.

– Девочка моя, я всегда желал тебе только счастья, – принялся успокаивать ее мистер Оливер. – Но по мне, так лучше видеть тебя мертвой, чем замужем за этим чудовищем. Он же погубит тебя!

Отец с дочерью еще разговаривали, когда Ларри Линмаус вернулся в городок. Он завел Фортуна в конюшню, стоявшую позади отеля, и попросил конюха:

– Дай ей самого лучшего овса.

Тот недовольно пожал плечами. Он в свое время лишился одной ноги и с тех пор был вынужден служить на конюшне. Став калекой, этот старик никогда больше не влезал на лошадь, но комплекса неполноценности у него из-за этого не появилось.

- Ну вот еще! - нелюбезно ответил конюх. - Что дам, то пусть и ест.

- Что-о? - рассердился Ларри.

Том Ламберт, так звали конюха, услышав угрозу, прозвучавшую в голосе молодого бандита, замер. Он был не из робкого десятка, всегда носил в кобуре старый, но никогда не подводивший его револьвер. Каждое утро, встав пораньше, Том спускался к реке и там в течение целого часа упражнялся в стрельбе. В Крукт-Хорне грохота выстрелов слышно не было - его гасили высокие крутые берега.

Подойдя к конюху далеко не хилого телосложения, Линмаус ткнул его в грудь пальцем. Старику показалось, будто тонкая ледяная спица пронзила его сердце. Со страхом и одновременно с удивлением он поднял глаза на человека, который совсем недавно запятнал себя позором, и увидел на его лице улыбку, а в глазах - бешеные огоньки. Ламберту стало не по себе, и он убрал руку, которую уже держал на кобуре.

- Хорошие манеры еще никому не навредили, - назидательно произнес Ларри. - Они к лицу даже таким подонкам, как ты. Отвечая на вопрос джентльмена, Ламберт, следует приподнимать шляпу. Понял?

Том Ламберт поспешно сдернул шляпу, и его давно нестриженные волосы, поднявшись, вновь легли на голову.

- Да, - буркнул он.

- Да, сэр, - поправил его Ларри.

- Да, сэр, - повторил конюх.

– И пока джентльмен разговаривает с тобой, не поворачивайся к нему спиной. Ясно?

– Ясно, сэр, – со вздохом произнес Ламберт.

– А Фортуны мою почисть щеткой. Но только ласково и нежно. Представь, что это не лошадь, а бриллиант, требующий полировки. Дашь ей самого лучшего сена, а затем отборного овса. Ты понял меня, Ламберт?

– Да, сэр. Я сделаю все, как вы сказали.

– Ну, тогда всего хорошего, Ламберт!

– Доброй вам ночи, сэр.

Ларри вышел из конюшни, а конюх, оставшись один, еще долго смотрел ему вслед.

– Он чуть было меня не убил! – наконец воскликнул старик. – Да этот Линмаус был готов разорвать меня на части, будь он проклят!

Немного успокоившись, Том Ламберт занялся Фортуной.

Тем временем Линмаус, медленно ступая по лестнице, поднялся на веранду. Голоса людей, сидящих на стульях, что стояли вдоль стены, тут же стихли. Все присутствующие дружно посмотрели на Ларри и презрительно скривили рты.

Среди этих людей было немало тех, чьим мнением Ларри особенно дорожил и чье доброе слово для него много значило. Увидев их глаза, он с ужасом понял все, что они теперь о нем думают.

Входя в холл гостиницы, Линмаус услышал, как кто-то довольно громко произнес:

– Вот это да, Джимми, он даже голову не опустил! Как тебе это нравится?

Рослый, грубоватого вида парень с нависшей на глаза густой челкой перегнулся через перила веранды, что-то пробормотал, а затем громко захохотал.

Линмаус застыл в дверях, потом сделал шаг назад.

- Кто-то из вас смеялся? Или это собака лаяла? - небрежно бросил он.

Парни, собравшиеся от нечего делать у входа в гостиницу, разом замерли.

Лохматый, тот, что только что хохотал, резко обернулся и посмотрел на Линмауса.

- Это ты смеялся? - уточнил Ларри. В его вопросе звучала угроза.

- Да, я! - гаркнул лохматый. - Смеялся я. Ну и что из этого?

- Просто хотелось узнать, кому это вдруг стало так весело. Люблю хорошие шутки. Может, расскажешь, что тебя развеселило? - приблизился к нему бандит.

На веранде гостиницы было сумеречно, но еще достаточно светло, чтобы парень мог отчетливо разглядеть Линмауса. Увидев выражение его лица, он молча открыл рот и застыл.

- Так, значит, никто не шутил? Выходит, все-таки это собака лаяла? - повторил Ларри и надвинулся на лохматого.

В испуге тот отступил назад. У него подогнулись колени.

- Когда собака лает, ее заставляют замолчать. С помощью кнута. Запомни это! - велел Ларри и вразвалку направился к двери.

У всех сидевших на веранде от удивления отвисли челюсти. Не дойдя до двери, Линмаус обернулся и по очереди посмотрел каждому в лицо. Никто не смог выдержать его пристального взгляда, все дружно потупили взоры.

Ларри входил в гостиницу, когда тишину на веранде прервал уже не смех, а шум, похожий на приглушенный гвалт стаи встревоженных ворон. С таким отношением к себе он еще не сталкивался. Отчаянными поступками, совершенными в прошлом, знаменитый бандит обычно срывал аплодисменты. Но сейчас все переменялось. И тут услышал, как за его спиной кто-то презрительно и очень отчетливо произнес:

- Он же прекрасно знает, что Кресса среди нас нет!

Так вот что так резко изменило отношение к нему!

Ларри подошел к стойке администратора и попросил комнату. Затем в сопровождении гостиничного клерка поднялся по лестнице на второй этаж. Его номер оказался в конце коридора и был довольно приличным.

- Что-нибудь желаете, сэр? - поинтересовался клерк. Его услужливый тон и почтительно склоненная голова говорили о том, что этот малый уже знал, чем закончился разговор Линмауса с конюхом Ламбертом.

- Пока ничего не надо, - отозвался Ларри.

Дверь за клерком закрылась, и он остался один.

Юноша долго стоял у окна, глядя на закат, окрасивший горизонт в пепельно-красный цвет, на окна домов, в которых отражались последние лучи заходящего солнца, на струйки дыма, вьющиеся над каждой крышей и похожие на руки, пытающиеся коснуться неба.

Ему казалось, что мир населен людьми, жаждущими только славы, и ничего больше.

Еще вчера, глядя на темную ночь, окутавшую этот маленький городок, Ларри любовался бы ее величественным безмолвием, но сейчас его сердце заледенело. Воспоминания о Джее Крессе, о банкире Оливере и его дочери Кейт охладили душу. Однако горькое чувство обиды и овладевшее им возмущение несколько не мешали ему трезво мыслить. Он понимал, что его мечты начать новую жизнь безнадежно рухнули, растворились как дым. Какими же жалкими и ничтожными

оказались люди, окружавшие его! Злыми и подлыми, как звери!

Линмаус смотрел в ночь широко открытыми глазами и вспоминал прожитые годы.

А попадался ли на его пути хотя бы один мужчина, женщина или даже ребенок, которые заслуживали бы доверия? Заложена ли в людях вообще хоть малая частица милосердия и любви к ближнему, к которым призывал Господь? Нет, ни любви, ни сострадания он не встречал.

В эти минуты мир казался ему безжизненной пустыней.

Глава 9

Совет шерифа

От размышлений о жизни Ларри перешел к более прозаическим вещам – решил привести себя в порядок. Умываясь, он почувствовал на лице легкую щетину, хотя брился утром, так как этот день должен был ознаменовать начало его новой жизни. В любой другой день парень отнесся бы к этому вполне спокойно, но именно сейчас ему захотелось быть гладко выбритым.

Бреясь, он старался убедить себя, что совсем не жалеет о случившемся, пусть его потерянное счастье обретут другие. «Счастье – призрачно, а мне лучше оставаться одному и умереть, подобно старому волку, загнанному сворой собак», – думал он. Сравнение людей с собаками очень ему понравилось – лучшего они просто не заслуживали.

Закончив бритье, Ларри достал из пакета свежую рубашку, тщательно почистил одежду, несколько раз махнул щеткой по запылившимся сапогам и переоделся. Теперь вид его был безупречен – даже шпоры на сапогах и те блестели!

Он решил перекусить. Выйдя из номера, спустился в ресторанчик. И едва появился в дверях, как все присутствующие повернули головы в его сторону и тут же отвернулись.

Как же они его ненавидели! Как боялись!

С холодной улыбкой на губах Ларри прошел через зал и уселся за свободный столик.

- Не сюда, мистер! - крикнул подбежавший официант. - Когда нас мало, мы за отдельными столами не обслуживаем. Так что...

Посетители с любопытством посмотрели на храброго официанта, а Линмаус, сохраняя на губах ледяную улыбку, поднял голову. Глянув на его лицо, официант открыл рот и молча отступил назад. Вид у него был такой, будто он только что получил удар в челюсть.

- Я предпочел бы отужинать в одиночку, - бросил бандит.

- Да, сэр! - поспешно отозвался перепуганный официант.

«Или мне кажется, что все люди стали проявлять ко мне неуважение, или так на самом деле и есть?» - мелькнуло в голове у Ларри.

Насупившись, официант обслужил его в полном молчании. В нем не чувствовалось того благоговейного трепета, который обычно испытывали другие, заведя в своем заведении молодого, красивого и овеянного легендарной славой бесстрашного Линмауса.

Да, отношение к нему круто изменилось.

После ужина Ларри ненадолго задержался на веранде. За все время его пребывания там никто не произнес ни одного четкого слова - слышалось только невнятное бормотание. Скорее всего, собравшиеся здесь чувствовали себя словно на пороховой бочке. Только возвращаясь в гостиницу, Ларри услышал за спиной сначала громкие голоса, а потом - дружный смех.

Он сразу же понял, чем было вызвано всеобщее веселье. Сидевшие на веранде горели желанием хоть чем-то унижить человека, проявившего слабость. Они считали своим долгом пнуть ботинком любого, кто спасовал перед более сильным противником. Но Ларри, проявив трусость, вел себя так, как будто бы

ничего не произошло, по-прежнему держался героем. За это его и ненавидели.

«Неужели за это?» – подумал бандит, поднял голову и стиснул зубы. Да, ведет он себя как ребенок, а с такими подонками церемониться не следует. Пусть только попробуют в открытую его задеть! Он им тут же покажет, что перед ними прежний Линмаус!

Не прошло и получаса, как в номер к Ларри громко постучали. Когда распахнулась дверь, он увидел на пороге невысокого крутоплечего мужчину с узкими бедрами и старомодными усами вразлет. Страха на его испещренном морщинами лице не было. Не снимая с головы сомбреро и засунув ладони за ремень, он вошел в комнату. Это был шериф Энтони по прозвищу Цыпленок.

В складках его синей фланелевой рубашки Ларри заметил белую дорожную пыль.

– Привет, Линмаус! – произнес вошедший.

– Привет, шериф Энтони. Присядете?

– Нет, сидеть не собираюсь. – Шериф сдвинул шляпу на затылок. – Я пришел, чтобы сказать тебе...

– Вы, Энтони, не соблюдаете приличия, – заметил Ларри. – А люди должны о них помнить всегда. Правда, сейчас люди на хорошие манеры наплевали, но я считаю своим долгом о них постоянно напоминать. Так что, сэр, снимите с головы шляпу.

– Снять что? – огрызнулся шериф.

– Прошу вас снять шляпу, сэр.

– Слышал, что после стычки с Джемом Крессом ты совсем изменился... – начал было страж порядка, но парень не дал ему договорить.

– В противном случае мне придется попросить вас выйти, – заявил он.

– Чепуху какую-то мелешь! – вновь начал Цыпленок.

Однако Линмаус снова его прервал:

– Или вас выставить?

Нежданный гость удивленно уставился на бандита. С тех пор как Цыпленок впервые взобрался на лошадь, он уже никого не боялся, но обострять отношения с известным головорезом не стал и покорно снял сомбреро.

– А теперь присядьте, – мягким голосом предложил Ларри. – Не могу же я сидеть, когда вы, сэр, стоите.

– Видок же у тебя, Линмаус! Ну прямо как у прокисшего молока, – ухмыльнулся страж порядка. – Уж не случилось ли что с тобой?

– Очень даже может быть, – признался Ларри. – Сами знаете, чего только не случается в этом дурацком мире.

– Я всегда восхищался тобой. Считал тебя большим интеллектуалом, – высокопарно произнес Энтони. – Так, может, объяснишь, что с тобой произошло?

– Я благодарен вам за такую высокую оценку и постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Вежливость бандита озадачила шерифа, но он продолжил:

– Ты, я слышал, уже наделал шума в нашем городе.

– Имеете в виду ссору с Джеем Крессом?

– О нет! Об этом я умолчу. – Энтони презрительно поморщился, при этом кончики его усов сначала взмыли вверх, а потом опустились в прежнее положение. – Это не мое дело. Меня интересует то, что произошло после вашей ссоры.

– А что, собственно говоря, произошло?

- Ты на свою голову начал искать приключения.

- Да?

- Взял и оскорбил старика Ламберта...

- Ламберт сам был готов наброситься на меня, словно бешеный пес. Мне ничего не оставалось, как напомнить ему о хороших манерах. Только и всего.

На лице Ларри заиграла добрая улыбка. Он взял листок тонкой бумаги, достал табак и, продолжая улыбаться, стал крутить «козью ножку». Его длинные, тонкие, как у музыканта, пальцы, работали быстро, и вскоре самокрутка была готова. Шериф, дивясь ловкости пальцев парня, даже забыл, что перед ним отъявленный бандит.

- Надеюсь, вы не курите? - вежливо поинтересовался Линмаус. - А то мне, кроме этого, и предложить нечего!

- Нет, я не курю. А ты, вижу, обо мне многое знаешь, - прорычал Энтони.

- О привычках выдающихся людей и даже их слабостях всегда интересно знать. Вот, например, стражи порядка. Едва мне исполнилось двенадцать, как они стали проявлять ко мне повышенный интерес.

- Да и я, мой мальчик, могу кое-что о тебе рассказать.

- Слушаю вас, шериф.

- После наезда на конюха ты пытался у гостиницы затеять драку.

- Совсем нет! Только спросил одного из парней, над чем он смеется.

- И обозвал его собакой!

- Никак нет. Лишь сказал, что беспричинный смех - все равно что лай собаки. Спросил, уж не пес ли он, но парень ничего не ответил. По всей вероятности,

язык проглотил.

- Ты нагрубил всем, кто был на веранде. Ищешь к кому придраться? Поэтому и разгуливаешь по городу?

- Неужели?

- Да, так оно и есть. Вот только одного не могу понять, почему ты спасовал перед Джейм Крессом?

- Он, Энтони, оказался проворнее меня, - пояснил Линмаус и снова улыбнулся.

Шериф удивленно посмотрел на него.

- Ну, Линмаус, это ты заливаешь!

- Нет, Энтони. Просто в тот момент я немного приоткрыл глаза и по-другому посмотрел на жизнь. А сейчас вы поможете мне полностью их открыть. Так ведь?

- Во всяком случае, постараюсь, - хмыкнул шериф. - Вот что я тебе скажу. Попытаешься восстановить репутацию сорвиголовы и пригроишь кому-нибудь револьвером - а ты, чуть что, сразу за него хватаешься - тебе не жить! Против тебя весь Крукт-Хорн!

- Правда? - На губах Линмауса появилась холодная улыбка. - Но пока вы в городе, бояться мне нечего. С таким обостренным чувством справедливости, как у вас, и преданностью работе вы ведь насилия не допустите. Вы же, Энтони, скорее погибнете, чем отдадите меня на растерзание разъяренным горожанам!

Шериф уставился на бандита, пытаясь понять, что скрывается за его словами.

- Нет, защитить тебя я не смогу, - задумчиво произнес он. - Но вот что посоветовал бы тебе, сынок. Будь осторожен. Иначе в один прекрасный день тебе свернут шею и ни один шериф в мире не сможет помешать этому. Все! - С этими словами Энтони резко развернулся и направился к двери.

– Уже уходите? – негромко протянул Линмаус. – Спасибо, что предупредили. Спокойной ночи, шериф!

Страж порядка на ходу невнятно выругался.

Линмаус легкой походкой догнал его в коридоре.

– Энтони, может, мне вас проводить? А то...

– Да пошел ты! – рыкнул шериф, водружая на голову сомбреро. – Чего мне бояться?

«Наглость этого парня не знает предела», – подумал он.

– Осторожнее на лестнице, шериф! Верхние ступеньки почти сгнили. Не ровен час, подвернете ногу и свалитесь с нее. Вот шуму-то будет!

Бросив на Ларри сердитый взгляд, Энтони быстро добрался до лестницы и бегом спустился вниз.

Вернувшись к себе в номер, Линмаус обнаружил в нем второго посетителя.

Глава 10

Визит Гарри Дея

Новый гость расположился у окна так близко, что вполне мог бы облокотиться на подоконник и выглянуть наружу. Однако с улицы его видно не было. Им оказался мужчина невысокого роста, похожий на рано состарившегося ребенка. У него была большая круглая голова, а за огромными линзами очков – часто моргающие глаза. На мужчине был костюм из серой фланели, серый шелковый галстук и сорочка из мягкой ткани с удивительно узким воротничком. На ногах – элегантные, из тонкой кожи туфли. Судя по их блеску, можно было догадаться, что их хозяин тщательно за ними ухаживает. В одной руке посетитель сжимал

пару замшевых перчаток, некогда желтых, но от частых стирок ставших почти белыми. Из нагрудного кармашка пиджака торчал уголок носового платка с тонкой синей полоской.

Увидев Ларри, он махнул ему рукой, в которой держал перчатки.

– Привет, старина!

Линмаус, закрывая за собой дверь, инстинктивно защелкнул замок.

– Конечно же это Гарри Дей, – проговорил он и, окинув взглядом костюм посетителя, оценил его элегантность. – Как же тебе удалось залезть по водосточной трубе и не вымазаться?

– Это мой маленький секрет, – ответил Гарри, и на его лице заиграла мальчишеская улыбка.

– Тогда мне хотелось бы задать тебе еще один вопрос.

– Давай, Ларри!

– Как ты сюда добрался?

– На поезде.

– В спальном вагоне?

– Нет, в багажном отделении.

– И что тебя привело?

– Ищу для своей фирмы партнера.

– Какой фирмы?

– «Гарри и Ларри», названной по имени двух исчезнувших со сцены актеров.

- Я же сказал тебе, что больше этим не занимаюсь.

- Ты не первый из артистов, которые бросают театр и снова в него возвращаются.

- Нет-нет. Я твердо решил начать новую жизнь.

- Но тебя это уже не устраивает.

- С чего это ты взял?

- А это по тебе заметно. По твоему недовольному виду, по тому, как раздуваются твои ноздри. Даже и под микроскопом разглядывать не надо, чтобы понять - для тебя наступили не самые лучшие времена.

- Так ты, пока я разговаривал с шерифом, стоял под окном и подслушивал?

- Из вашего разговора я уловил только несколько слов. Долго висеть на трубе я не смог - руки сильно устали.

Линмаус улыбнулся. Уж что-что, а мускулистостью этот худосочный малый совсем не отличался.

- Ну и что ты об этом думаешь? - поинтересовался Ларри.

- Скажи только, тебе нужна помощь?

- Помощь?

- Видишь ли, Линмаус, я давно не был в этом городке, но кое-что успел услышать. Так что я в курсе твоих дел.

- Ты знаешь о нашей стычке с Джейм Крессом?

- Да, - не колеблясь подтвердил Гарри. - А еще, что для местных жителей ты уже не прежний герой Ларри Линмаус.

- Гарри, и чем же ты можешь мне помочь?

- Ну, могу, к примеру, убрать Кресса.

- Мне этого вовсе не надо.

- Хочешь оставить его себе?

- Да. - Линмаус злобно оскалил зубы. - Тому, кто попытается тронуть Кресса пальцем, не сдобровать!

- Хочешь сказать, что его обидчик будет иметь дело с тобой? Так ты задумал восстановить свою репутацию? Но поверь мне, старина, коль тебе пришлось спастись перед Крессом, теперь ты это будешь делать всю оставшуюся жизнь!

- Я? - удивился Ларри и презрительно фыркнул.

- Да, ты, - подтвердил Дей. - Не знаю всех обстоятельств вашей ссоры, но, судя по твоему лицу, они были экстраординарными. А если Кресс одержал над тобой верх, то и при следующей вашей встрече сделает то же самое.

- Нет, ты не прав! Я размажу его по стенке, - решительным голосом пообещал Линмаус.

Коротышка сокрушенно покачал головой. Теперь он был серьезен, и мальчишеская улыбка больше не играла на его лице. В этот момент Гарри Дей выглядел на все сорок. Вокруг его глаз появились мелкие морщины. В какой-то миг из молодежового мужчины он превратился в старого, умудренного опытом старца.

- Отныне тебе с ним не совладать, - заметил он. - Поверь, и позволь мне с ним разделаться.

- Ты, Гарри, так самоуверен...

– А что? Меня кулаком или из револьвера не поразить – слишком маленькая мишень. Дай мне разделаться с Крессом, а потом займемся нашим общим делом. Нам будет над чем поработать.

– Я же сказал, что завязал.

– Знаю, но «завязал» – глагол в прошедшем времени. А я говорю тебе о настоящем.

– Нет, никогда.

– И чем же ты, старина, собираешься заняться? Напрочь потерял репутацию, популярность, девушку, на которой собирался жениться.

– Тебе и об этом известно?

– Да. И не только мне. Весь Крукт-Хорн об этом говорит.

– Не сомневаюсь, раз уж и ты знаешь. Теперь семейству Оливер есть что обсудить.

– Да, уж это точно.

– Только все это пустое, – отмахнулся Линмаус, и лицо его побелело от злобы.

– Дело, на которое я хочу тебя уговорить, неординарное, – сообщил коротышка. – Но тебе будет не в диковину. Такими вещами ты уже занимался, и не раз. Банки, Ларри, ты брал не ради денег, а ради собственного удовольствия. Для куражу, скажем так. Объект выбирал, ограбить который труднее всего. Даже не раздумывал, богатый банк или нет.

– А твой богатый? – полюбопытствовал Линмаус.

– Что? Искушение охватило?

– Пока нет, но интересно, смогу ли я ему поддаться.

- Для этого придется совершить увеселительную прогулку в Сан-Луис. Там я заметил небольшой банк, расположенный в красивом старинном здании. Можно заработать неплохие деньги. От двухсот пятидесяти тысяч до миллиона.

- Впечатляющая сумма.

- Конечно. И дело-то пустячное! Делиться нам будет не с кем. На дело пойдем только ты и я. Добыча – пополам. Я даже подозреваю, что нам может обломиться по миллиону на брата. Вот ограбим банк, а потом, если хочешь, можешь с бандитским прошлым завязать и зажить как джентльмен. Ну что, соблазнил я тебя?

- Ничуть.

- Правда?

- Правда, Гарри. Боюсь, тебе никогда не удастся это сделать.

Дей задумался, молча достал сигарку и закурил. От нее оставалась ровно половина, когда он наконец произнес:

- Мне кажется, я все понял.

- Что?

- Почему у тебя такое настроение.

- Ну-ка, расскажи, а то мне самому непонятно.

- Ты налетчик, Линмаус, и не потому, что ленишься работать, а потому, что любишь преступления. Грабеж для тебя – сильно волнующее действие. Тебе нравится рисковать и конфликтовать с законом. Однажды совершив преступление, ты вошел во вкус и стал как наркоман на игле. Только из-за любимой девушки ты и решил покончить со своим прошлым. Но она тебя отвергла, а это многое изменило. Теперь тебя, бандита-романтика, ничто не может сдержать. Или я не прав?

– Не знаю, – буркнул Ларри. – Может, ты и прав. Утверждать не берусь. Но я хочу честно зарабатывать деньги.

– И чем же?

– Сейчас сказать трудно. Сначала надо разобраться с этим мерзавцем Крессом. Убить его? Оказаться вне закона из-за какой-то гадины? Но что бы я ни сделал с ним, мне надо остаться самим собой. Все хотят, чтобы духу моего не было в Крукт-Хорне. Весь городок презирает меня и ненавидит за то, что после ссоры с Крессом, я не опустил головы. Но, что бы ни случилось, я все равно останусь здесь. Поверь мне, я не отступлю!

– И проиграешь, – без тени сомнения в голосе заверил Гарри.

– Может быть. Но только после отличной драки.

– А ее и не будет. Когда толпе необходимо от кого-то избавиться, она сначала сделает так, чтобы у того были связаны руки, и только потом завяжет драку. В такой ситуации ты, пусть даже и прав, не сможешь выхватить револьвер и расстрелять своего обидчика. Неужели тебя это устроит?

– Нет, такого не произойдет.

– Жители городка попросту линчуют тебя. Об этом и шериф предупреждал.

– Пусть только попробуют! Но я с тобой все равно никуда не поеду.

– Решил окончательно?

– Да.

Дей глубоко вздохнул.

– А я-то на тебя надеялся, – разочарованно протянул он. – Мне тут повстречался Стив Бинни, этот неумеха. Просил взять его в дело, но я отказался. С таким, как он, каши не сварить.

– А что, Бинни в Крукт-Хорне?

– Да. И, как ты, не у дел. Бодр, но уже совсем не тот, что прежде. Да все наши ребята уже не те. Одни состарились, другие – пали в перестрелках, третьи еще молодыми померли от пневмонии или какой-нибудь другой болезни. Те, кто нашел себе место потеплее, стали святошами и притворяются, будто перевоспитались. Знаешь, я никогда не завидовал людям, что-то имеющим. Мне только жаль тех, кто мог бы иметь еще больше. – Дей печально покачал головой и поднялся.

– Уже уходишь, Гарри? – спросил Линмаус.

– Да. Ухожу. Но не через дверь. Это уж увольте. В этом городке я когда-то засветился и не хочу, чтобы меня опознали. Не в моих традициях пользоваться гостеприимством, когда оно мне совсем не нужно. Так ты уверен, что я не смогу тебе помочь?

– Уверен. Хотя...

– Тогда скажи.

– Сгоняй в Джексон-Форд. Думаю, там должен быть Джей Кресс. Но не трогай его. Постарайся узнать, собирается ли он жениться на девушке по имени Черри Дэниельс. Если да, то сообщи мне.

– И это все, что я должен для тебя сделать?

– Да. И передай Крессу от меня то, что я тебе скажу.

– Передам. Слово в слово.

– Скажи ему, что я отдал двадцать четыре тысячи на благотворительные цели. Что считаю его гадом и в следующий раз сделаю с ним то же, что он со мной.

– Такое послание передам с огромной радостью. Пока, Линмаус! Мы с тобой обязательно увидимся. Даже не сомневайся, – бросил коротышка и шагнул в окно, будто вошел в дверь собственного экипажа.

Глава 11

Бесстрашный монах

Спал Линмаус долго, и, когда проснулся, был уже полдень. Так поздно он еще не вставал с постели. Облившись холодной водой из ведра, Ларри взял у повара полную чашку горячей воды и побрился. Затем спустился в ресторанчик, который к тому времени совсем опустел.

Ел Ларри, как всегда, неторопливо. За многие годы это стало его привычкой, которая позволяла ему быть всегда наготове – ведь опасность подстерегала парня на каждом шагу. С самого детства он спал словно кошка, а передвигался подобно волку. У такого человека, как Линмаус, глаза должны были быть и на затылке.

Покончив с завтраком, он прошел на веранду. Сидевшие на ней мужчины встретили его все тем же холодным молчанием. Пока Ларри курил, никто не решался заговорить вслух. Присутствующие только тихо перешептывались между собой.

Как ни старался Линмаус не обращать на них никакого внимания, все же злоба постепенно его охватила.

Покинув веранду, он прошел на конюшню, оседлал Фортуну и помчался к реке.

Еще вчера утром Ларри думал, что никогда больше не будет стрелять, что с преступным прошлым покончено навсегда, но, оказавшись на берегу реки, полтора часа занимался тем, что палил из кольтов.

Он стрелял, когда лошадь шла шагом, бежала рысью, скакала и неслась в галопе. Затем спешил и стал стрелять из всех возможных положений. Каждый раз, произведя выстрел, убирал револьвер в кобуру, весевшую под мышкой, затем быстро выхватывал его и снова палил.

Палил в цель, которая в данный момент казалась ему наиболее ненавистной. Вскинуть кольт, прицелиться, нажать на спусковой крючок и не промахнуться Линмаусу ничего не стоило. Побудительным моментом к выстрелу ему служил любой звук, который раздавался в этом безлюдном месте – шорох травы или листвы густого кустарника, росшего на противоположном берегу реки. Этим моментом могло быть и ощущение опасности, которое временами приходило к нему. Тогда Ларри с ловкостью гимнаста резко разворачивался, выгибая натренированное тело, и поражал «противника».

Он то шел, то бежал, то резко тормозил, стреляя, падал на землю и в падении снова палил. Все это время его брови были недовольно сдвинуты. Юноше было чуждо холодное спокойствие, каким обладают стрелки по стендовым мишеням. Такого он не понимал. В каждом камне, коряге или стволе ивы, которые выбирались им в качестве мишени, он видел вооруженного человека.

Наконец, когда Линмаус окончательно запыхался, а оба его револьвера перегрелись, он остановился, почистил их, зарядил и убрал обратно в кобуры. В последние годы он так занимался почти каждый день. Нельзя сказать, что все эти упражнения доставляли ему большое удовольствие, – для Ларри они скорее напоминали горькое лекарство, которое раз пятьдесят спасало ему жизнь. В отличие от него те, кто снискал себе славу на соревнованиях по стрельбе, упражнялись лишь по утрам, да и то лишь в воскресные дни. Такие стрелки, завоевав награды и всеобщее признание, неожиданно встретившись один на один с тем, у кого оказывалась тверже рука и крепче выдержка, всегда проигрывали. А Линмаус никогда не имел права на неудачу.

Жизнь человека вне закона, которую он до этого вел, всегда состоит из одних опасностей, но сейчас она показалась ему безоблачной по сравнению с тем, что подстерегало его теперь, когда каждый взрослый мужчина в Крукт-Хорне считал себя способным с ним сразиться и победить. Ларри прекрасно знал цену того молчания, что воцарялось при его появлении на гостиничной веранде. Люди, возможно, еще боялись его, трепетали перед ним, но наверняка среди них был хотя бы один, кто, затаив на него злобу, ждал часа, чтобы расправиться с посрамленным героем-бандитом. Парень нисколько не сомневался в том, что история его позора пересказывалась жителями городка по нескольку десятков раз в день. И естественно, многократно слушая эти рассказы, кое-кому не терпелось разделаться с легендарным грабителем и тем прославиться. Ларри понимал, что он, как никогда, должен быть начеку и ждать такого момента.

Вернувшись в Крукт-Хорн, он заглянул в гостиницу, а затем пересек улицу и направился в здание «Мерчантс-Лоан энд Траст». При его появлении по банку пробежал шепот, который тут же и стих. Побелевший кассир взглянул на него через зарешеченное окошко, выдавил из себя вымученную улыбку, внимательно изучил чек на двадцать четыре тысячи долларов, протянутый ему Линмаусом, и куда-то ненадолго скрылся. Вернувшись, он спросил, в каких купюрах клиент желает получить деньги.

Ларри попросил в сотенных. Получилась солидная пачка – двести сорок банкнотов, по сто долларов каждый. Все свое богатство молодой человек засунул в карман и вышел на улицу.

Яркое солнце ослепило его. Ларри стало жарко. Он остановился и попытался сосредоточиться. На этом месте и почти в то же время, только вчера, ему встретился Джей Кресс. Здесь Ларри и лишился огромной суммы денег. Не важно, как их удалось вернуть назад, теперь-то они будут потрачены на доброе дело. Правда, пока Линмаус еще не знал на какое. Подняв глаза, он увидел за кузницей поднимавшийся ввысь остроконечный шпиль костела. «Может, пожертвовать деньги на нужды церкви?» – подумал юноша, но он мало что знал о священнослужителях, и более того, недолюбливал их. Они не были похожи на других людей, а давать деньги, чтобы те исполнили свой профессиональный долг, ему не хотелось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты рассуждениями о церкви и духовниках, на дороге показался францисканский монах. Он ехал верхом на муле, который явно не был приспособлен для езды. Не ахти какой наезник, монах почти при каждом шаге животного вскидывал руки и недовольно бурчал. Старая поношенная шляпа, свалившаяся ему за спину, держалась на тесемках. Монашеская тонзура[1 - Тонзура – выстриженное место на макушке у католического духовенства. (Здесь и далее примеч. перев.)], покрытая темно-коричневым загаром, словно лицо мексиканского пеона, свидетельствовала, что во время езды на муле шляпа постоянно спадала с его головы.

Линмаус презрительно усмехнулся. «Ну нет, деньги церкви ни за что не отдам! – сказал он себе. – Лицемеры! Они боятся жизни, не любят тяжелой работы, уходят от мирской суеты, чтобы преспокойненько наесть себе жиры. Да будь они все прокляты! Лучше подарю деньги больнице».

Идея пожертвовать больным ему понравилась. Он развернулся и медленно побрел к кузнице, в которую только что свернул францисканец. Войдя в мастерскую, Ларри увидел, как мул, которому кузнец уже поднял переднюю ногу, взбрыкнул ею, подпрыгнул и чуть было не приземлился на перепуганного до смерти мастерового.

– Это не мул! Это какой-то тигр! – испуганно воскликнул кузнец. – На него надо надеть намордник. Этой зверюге не подковы нужны, а крепкая цепь!

– Сейчас моя Алисия станет кроткой, как ягненок, – подойдя к голове мула, пообещал монах. – Она очень темпераментная, а кроме того, не любит кузнецов. В ее слабом умишке вы ассоциируете с жарким пламенем, зелеными клубами едкого дыма и...

– Кажемся ей чертями из преисподней! – кратко закончил за него кузнец. – Ну что ж, придется создать ей домашнюю обстановку! Никогда еще в жизни не встречал дружелюбного и покладистого мула. По сравнению с ними, волк выглядит комнатной собачкой. Но тем не менее они совсем не прихотливы ни к еде, ни к условиям содержания.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тонзура – выстриженное место на макушке у католического духовенства. (Здесь и далее примеч. перев.)

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/brend_maks/vne-zakona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)